

Дама пик

Автор:

Алексис Лекей

Дама пик

Алексис Лекей

Комиссар Мартен #2

Блестящий писатель, сценарист и режиссер Алексис Лекей – признанный мэтр детективного жанра, лауреат престижных премий «Французский саспенс» и «Приключенческий роман года». Он сам переносит свои книги на экран, и его сериалы держат на французском телевидении высочайшие рейтинги.

«Дама пик» вслед за «Червонной дамой» продолжает знаменитый цикл романов и популярных телефильмов о комиссаре Мартене, столь же любимом сегодня французской публикой, как некогда великий Мегрэ. Жизнь этого рыцаря без страха и упрека полна запутанных отношений с женщинами и не менее запутанных расследований, связанных с женскими судьбами.

Не успев оправиться от тяжелого ранения, Мартен возвращается на службу и сразу попадает в водоворот событий. В Париже одно за другим происходят жестокие убийства, на первый взгляд никак друг с другом не связанные, в которых прослеживается женский почерк. К тому же совершено нападение на его приятельницу Лоретту, полицейского психолога, и Мартен оказывается под подозрением. Отстраненный от дел комиссар вынужден действовать в одиночку, рискуя не только своей жизнью, но и любовью подруги.

Алексис Лекей

Дама пик

© 2005, Editions du Masque, departement des editions Jean-Claude Lattès

© Н. Добробабенко, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО “Издательство АСТ”, 2014

Издательство CORPUS ®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru) (<http://www.litres.ru/>)

Любое сходство с реальными ситуациями и лицами, как ныне здравствующими, так и покойными, является совершенно случайным

Глава 1

Пятница

Женщина едва не засекла его, выскочив на авеню Рапп из дома с навороченным фасадом, достойным кормановского фильма ужасов.

Она сбежала с четырех ступенек у входа и помчалась дальше к Сене, а длинные черные волосы, собранные в конский хвост, хлопали ее по затылку при каждом шаге.

Совершая пробежки, она всякий раз меняла одежду и сегодня впервые надела элегантный спортивный костюм, не слишком облегающий фигуру, но подчеркивающий ее формы. На ногах – безусловно белые кроссовки, на поясе сумка-банан из бежевой кожи, на правом запястье большой черный хронометр. Она была левшой.

Из комнатухи в доме напротив он уже успел рассмотреть в 600-миллиметровый телеобъектив ее обнаженное смуглое тело с выразительным изгибом мускулистой спины, с непонятными белесыми линиями на руках – от запястий до плеч – и на груди, с густым пучком черных волос на лобке и с маленькой прелестной грудью. Это идеальное тело все еще стояло у него перед глазами.

У его заказа имелась и приятная сторона. Он следил за одной из самых красивых женщин, с которыми ему довелось встречаться при исполнении профессиональных обязанностей. У нее были изящные черты лица, она грациозно двигалась, и он заранее жалел о том, что в какой-то момент работа закончится.

Женщина пересекла улицу на красный цвет и направилась на запад, в сторону Эйфелевой башни. Она перемещалась по широкому тротуару в стабильном напряженном ритме, ловко обгоняя прохожих. Он ожидал, что она, как большинство любителей пробежек, свернет к Марсову полю, однако женщина продолжала бежать вдоль набережной, все прямо и прямо, а потом, увидев лестницу, спустилась вниз к Сене.

Он припарковал скутер и перегнулся через парапет посмотреть, куда она направилась.

Она быстро удалялась, но ее маленькую серо-голубую фигурку было легко узнать по элегантности движений.

Он продолжил слежку, время от времени останавливаясь у парапета, чтобы убедиться, что она не повернула назад. Но женщина неумоимо продолжала свой бег по берегу Сены, то скрываясь за кустами или строениями, то снова

появляясь на открытом пространстве.

Вскоре она пересекла границу пятнадцатого округа. Постепенно на пути появлялось все больше препятствий.

Гуляющих и бегунов и тут было немало, но она, одинокая и великолепная, мчалась своей дорогой, демонстрируя полное безразличие ко всему, что ее окружало. Темнело, и, несмотря на загорающиеся фонари, силуэты людей различались все хуже и хуже.

А если пробежка лишь уловка и на самом деле ее цель – тайное свидание? Это бы означало, что она его заметила, а ведь за все пять дней, что он за ней следил, ему не удалось перехватить ни малейшего признака беспокойства или подозрения. Ни разу она не оглянулась, ни разу тело не выдало себя той легкой скованностью, которая появляется у людей, чувствующих, что они под наблюдением. Хотя она, возможно, просто привыкла к восторженным и завистливым взглядам, которые ее постоянно сопровождают.

Погода была хорошей и довольно теплой для конца декабря.

Его сердце забилося быстрее. С тех пор как она скрылась за небольшой горкой земли и штабелями облицовочных плит высотой метра три, прошло несколько секунд, а она все не появлялась. На смену обычному берегу реки пришла большая стройка, освещенная дугowymi фонарями, с кучами песка и подъемными кранами. Гигантские оранжевые цементовозы двигались взад-вперед, словно неуклюже исполняя некий загадочный танец, а их громадные двигатели работали на полную мощь, и контрапунктом в этом адском грохоте постоянно прорезались визгливые звуковые сигналы. Куда же она делась?

Он поспешно припарковал скутер на узком тротуаре, сунул на бегу шлем в багажник под сиденьем и буквально скатился по широкой грязной тропе, которая вела на стройку – и к Сене.

Он прошел между высокими заборами, ограждавшими стройку, испытывая непоколебимую уверенность в том, что бег закончился. Что у его подопечной есть цель и эта цель находится где-то здесь, на стройплощадке. То, к чему она бежала с самого начала, было именно тут, в грязи, где-то между штабелями плит и кучами песка. Иначе зачем бы она примчалась сюда, в это затерянное

место?

Завыла сирена, перекрывая царивший вокруг грохот, а несколько секунд спустя огромные дизели грузовиков и компрессоры замолчали, уступив место относительной тишине. На смену шуму машин пришел другой гул, более ровный и более отдаленный – автомобилей, мчащихся по кольцевой дороге, которая проходила над берегом двумястами метрами дальше, а потом пересекала Сену и ныряла под землю между Парижем и Булонью.

Стройка затихла, и городской шум снова вступил в свои права. Было пять часов вечера, и как только желтые и оранжевые чудовища застыли на месте, их водители вылезли из кабин, быстро сбросили каски из белого пластика и тут же прижали к уху мобильные телефоны.

Он проскользнул между горами сложенных друг на друга гигантских труб.

Краем глаза заметил едва уловимое движение впереди, метрах в пятидесяти. Заторопился, обогнал рабочих, не обративших на него никакого внимания.

Черная сумка через плечо, очки в металлической оправе, седоватые волосы средней длины, бордовый галстук, осенняя куртка из дешевого твида, серые тергалевые брюки, коричневые ботинки на толстой подошве из темной микропорки – он растворялся в любом городском пейзаже, среди людей любой профессии. Мелкий служащий, бухгалтер, контролер на стройке?

Благодаря своей незаметности он уверенно прошел по площадке мимо притихших монстров и вскоре очутился перед лабиринтом из серых облицовочных плит. Шагнул в него, сделал несколько шагов и остановился.

Сперва он был почти уверен, что объект слежки скрылся именно здесь, но теперь его уверенность начала таять. Он снова двинулся вперед. Помимо сложенных штабелями плит, вокруг был только песок, липнущая к обуви желтая земля и мелкие камешки. Воздух казался тяжелым и влажным.

Плиты изолировали от шума пространство внутри лабиринта. У него возникло странное чувство, будто он очутился в склепе.

А потом он скорее почуял, чем увидел, как какая-то тень частично перекрыла свет дуговых ламп, и в тот же момент понял, что угодил в ловушку.

Обернувшись, он увидел освещенный сзади черный силуэт своей подопечной. Она смотрела на него в упор, но из-за слепящего света за ее спиной он не мог разглядеть выражение ее лица. Она была значительно меньше и легче его, но он странным образом ощутил себя уязвимым, словно охотник в какой-то момент превратился в дичь.

Он ненавидел подобные ситуации, находя их унижительными и непростительными. Но такое уже случалось с ним и еще не раз случится. У него давно имелись эффективные способы противостояния, позволяющие вернуть утраченное преимущество. Он двинулся ей навстречу, поспешно приклеивая на лицо любезную улыбку и засовывая руку в сумку, чтобы вытащить одну из своих фальшивых визиток.

Сухой и повелительный голос объекта слежки щелкнул словно кнут.

– Не двигайтесь, – приказала она.

Он застыл, различив в ее голосе явную угрозу. Потом попытался прибегнуть к другому приему:

– Извините меня, пожалуйста, но я без ума от красивых брюнеток. У вас самая шикарная попка из всех, что я когда-либо видел.

– Можете не напрягаться, – произнесла она.

Он не понимал, что происходит. Его не удивило бы проявление неуверенности, ярости, возможно, страха. В конце концов, она оказалась вдвоем с незнакомцем на каком-то безлюдном пустыре. Между тем она совсем не была напугана и даже...

– Кто заказал вам слежку? – спросила она, придвигаясь к нему, в темноту.

Теперь это был просто черный силуэт с неразличимым лицом.

– Что, не хотите отвечать?

Происходящее напоминало игру. Он заставил себя улыбнуться. Возможно, ситуация забавляла ее. Она была женщиной, по всей видимости, богатой, часто остающейся в одиночестве, и наверняка скучала – а тут подвернулся случай немного развлечься. Однако полное отсутствие страха все же сбивало его с толку. Все выглядело так, будто ей заранее известно, что сейчас произойдет, и у нее нет никаких сомнений относительно того, чем закончится их стычка.

Кто она такая? Ему было известно имя и адрес, но это ничего не значило. Она замужем... Он даже не знал, зачем ему поручено следить за ней и фиксировать все ее передвижения, пусть у него и имелись некоторые догадки на сей счет.

Она вынула из сумочки небольшой черный предмет. Сначала он подумал, что это маленький цифровой фотоаппарат. Кто-то из прошлых объектов наблюдения выследил его самого и решил сфотографировать. Чтобы отомстить таким образом. Ничего это им не даст, плевать он хотел...

Но она нацелила на него не фотокамеру, а очень короткий пистолет с двумя расположенными друг над другом стволами. Карманное оружие, способное выплюнуть одновременно – или одну за другой – две пули девятимиллиметрового калибра. На расстоянии свыше пяти метров точность прицела не гарантируется, но вблизи эта игрушка бьет наповал.

В те несколько коротеньких секунд, которые ему осталось прожить, он еще успел сказать себе, что она собирается припугнуть его, и мысленно поклясться, что больше никогда и ни за что не будет так рисковать, выполняя заказ.

– Я не причиню вам вреда, – произнес он заплетающимся языком. – Я частный детектив.

– Знаю.

Первый выстрел пробил грудную клетку и прошел сердце, мгновенно прервав его работу. Детектив сполз на землю, ударившись головой о плиты. Он почувствовал, как его окутывает мгла. Боли не было. Вторая пуля пробила лобную кость, мозг и вышла из затылка.

Секунд десять женщина стояла не шевелясь, напряженно прислушиваясь. Если не считать шума кольцевой дороги, все было спокойно. Она спрятала оружие, надела резиновые перчатки, тщательно обыскала убитого и переложила все, что нашла в карманах, к себе в сумку.

Потом достала длинный хирургический пинцет, ввела его в рану, не без труда извлекла первую пулю, после чего подобрала вторую, упавшую на землю.

Был вечер пятницы. Скорее всего, тело найдут не раньше утра понедельника. Таким образом, у нее оставалось три вечера, чтобы принять меры. Более чем достаточно. Но она сможет действовать не раньше, чем узнает, кто пустил по ее следу частного детектива.

Глава 2

Суббота

Мартен вышагивал по квартире в старых штанах, вытертых на коленях и с дырками на задку. На щеках топорщилась щетина, кожа вокруг глаз выглядела помятой. Черная ярость обуревала его, пусть это и было незаметно. Она была направлена главным образом против него самого. В такой форме проявлялась его депрессия, поэтому порывы ярости были довольно вялыми, однако сама она обладала мощной разрушительной силой.

Ярость была одним из симптомов общего болезненного состояния. Мартен ощущал глубочайшую подавленность, и то обстоятельство, что она приняла форму “невротической депрессии”, или “тревожной”, или “посттравматической”, часто возникающей у тех, кто потерял близкого человека, чудом спасся в тяжелой аварии и т. п., ничего по сути дела не меняло.

Два с половиной месяца назад охота на убийцу женщин завершилась в потоках крови. Убийца был застрелен, ближайшая сотрудница Мартена Жаннетта, как и он сам, едва не погибла.

У Мартена болела шея в том месте, куда попала пуля убийцы. К тому же болела спина и грудь, а периодически подступающие мигрени часами сдавливали левый глаз, часть лба и затылка. Он перепробовал уйму лекарств, но пока ни одно из них не принесло заметного результата. Впрочем, врач объяснил ему, что все неприятные ощущения, вполне возможно, не связаны напрямую с ранением, а вызваны депрессией. А потом добавил, что осознание этого факта само по себе не помогает справиться с болезнью.

Он проходил курс реабилитации у кинезитерапевта, приходившего два раза в неделю, и должен был дышать воздухом не менее часа в день, предпочтительно прогуливаясь по какому-нибудь городскому парку. Мартен старался худо-бедно исполнять это предписание.

В остальное время он маялся, словно грешная душа, меряя шагами свежевыкрашенную гостиную своей квартиры: его подруга Марион и дочка Иза решили немножко обновить ее, пока он лежал в больнице. Мартен не выносил запах краски. Если честно, он вообще мало что выносил.

Он переходил из спальни на кухню, по пути включал телевизор, чтобы через несколько секунд выключить его, поскольку бессмысленное мелькание картинок на экране вызывало у него отвращение.

Он никак не прокомментировал ремонт, и отсутствие реакции обидело девушек, которые очень постарались. Однако они не хотели усугублять его подавленность и потому скрыли огорчение. И все же постепенно им становилось все труднее выносить Мартена вместе с его депрессией. Марион как можно дольше задерживалась на работе (она была журналисткой), а Иза шаталась неизвестно где, хотя предпочла бы побездельничать у себя в комнате. Она посещала театральные курсы в ожидании гипотетического приглашения на роль, но больше не могла репетировать дома из-за донельзя сгустившейся атмосферы.

Иза подумывала о переезде к подруге, поскольку не возобновила отношений с отцом своего будущего ребенка и их воссоединение в ближайшее время не предвиделось. Переезд со дня на день откладывался, потому что ни одна из подруг не была по-настоящему свободной.

Муки Мартена сказывались и на дочери, а его трудное выздоровление сопровождалось раздражением, непониманием и недоразумениями, что

действовало на нервы всем.

Единственный человек, который мог бы помочь Мартену, это Мириам, его бывшая жена, но она позвонила пару раз, чтобы справиться о его самочувствии, и больше не объявлялась.

Он был абсолютно уверен в собственном здравомыслии, когда десятки раз на дню задавался вопросом, есть ли смысл продолжать жить. Он спал по двенадцать – четырнадцать часов и просыпался после этих ночных марафонов усталым, размазанным и без единого воспоминания.

После смерти первой жены у Мартена случались неожиданные приступы острого страха, молниеносно возникавшие и столь же быстро проходившие, но на этот раз страх не покидал его. Жена погибла в автомобильной катастрофе, когда Изе исполнилось одиннадцать. Его собственная мать умерла, когда ему было ровно столько же.

Либи́до Мартена находилось на нуле.

Он выписался из больницы в конце сентября, после двух недель вынужденной неподвижности, отпуск по болезни заканчивался через несколько дней, но он собирался продлить его, взяв отпуск за свой счет. Финансовые запасы полностью отсутствовали, а ему нужно было содержать одну семью частично – собственную, с ребенком, которого Марион должна была родить в марте, – и еще одну полностью – тоже свою, то есть дочку Изу, безработную актрису, и ее младенца, который ожидался в феврале, за месяц до родов Марион.

Будущее казалось ему не менее мрачным, чем настоящее.

Роясь в бумагах, он в конце концов нашел документ, подписанный двадцать лет назад. Вот если бы страховка могла обеспечить обеим девушкам пристойную жизнь... Увы, его смерть принесет Изе всего девяносто две тысячи евро. Немногим больше налога на наследство, который ей придется заплатить, чтобы сохранить за собой квартиру.

Болезненная жалость к себе любимому, в которой Мартен все глубже увязал, не мешала ему мучиться чувством вины, однако доминировало все же ощущение бессилия. По-другому у него не получалось. И тот факт, что он замечал нарастающее беспокойство и отчаяние обеих молодых женщин, чьи животы впечатляюще округлялись в одинаковом темпе, ничего не менял.

Согласно последним УЗИ, у Марион должна была родиться девочка, а у Изы мальчик. Их беременности развивались без осложнений, анализы не давали повода для волнений. Но из-за Мартена им не было дано испытать ту радость и спокойствие, на которые они, учитывая их состояние, были вправе рассчитывать.

Лоретта, его приятельница-психолог из Министерства внутренних дел, попробовала поговорить с ним, но натолкнулась на категорический отказ. В результате она связалась напрямую с Изой и порекомендовала ей парочку психотерапевтов. Марион и вслед за ней Иза попытались уговорить его обратиться к врачу, но эта затея тоже провалилась.

По ночам ему ничего не снилось – по крайней мере, ни одного сна он припомнить не мог, – однако днем все было по-другому.

Стоило ему остаться одному, и в его мозгу вспыхивали беспощадно реалистичные сцены: картинка, звук, запах – все воспринималось до боли остро. Эти стоп-кадры бывали двух видов. Временами он видел день смерти своей первой жены, матери Изы: то непосредственно перед, то сразу после аварии – их ссору, прибытие жандармов, материализующихся в дверях с фуражками в руках, ожидание дочери тем же вечером у дверей школы, чувство бессилия... Картинки возникали перед его глазами без предупреждения, длились несколько секунд и растворялись, оставляя его абсолютно потерянным.

В других случаях перед внутренним взором Мартена появлялась Жаннетта, его помощница: она из последних сил пытается подсказать ему, как найти убийцу с арбалетом[1 - См. роман Алексиса Лекея “Червонная дама”. (Здесь и далее – прим. перев.)].

Дуэль с убийцей. Ожог пули, вошедшей в шею, ощущение, что жизнь заканчивается, давление пальца на курок, тело убийцы, подскакивающее под градом пуль, пыль и пот щиплют глаза и ослепляют его...

Вся его предыдущая жизнь сводилась к этим двум драматическим событиям, и они беспрестанно обрушивали на него жутковатые видения, словно нанося удары ножом. Может, подсознание пыталось о чем-то предупредить, помочь преодолеть депрессию и для этого подбрасывало ему картины пережитого? Или в механизме мозга произошел сбой и безумие подсовывает ему кусочки воспоминаний, выхваченные наугад из ящика с этикеткой “Самые жуткие моменты моей жизни”?

В этих сигналах из прошлого всегда преобладало чувство бессилия и вины. Он не смог предотвратить гибель жены. Не смог помешать преступнику убивать женщин – и ранить его самого. Не смог предотвратить все эти смерти. Он, Мартен, – пассивный и никчемный муж и полицейский. То есть бесполезный. Бессмысленные смерти. Бессмысленная и бесполезная жизнь.

Изабель любила отца, но в пятнадцать лет решила, что не будет больше вмешиваться в его личную жизнь. Она даже постаралась, как могла, скрыть свою печаль и страдание, когда Мартен расстался с Мириам.

Марион, новая подруга отца, нравилась Изабель, несмотря на то что временами она в глубине души испытывала к ней глухую ревность. Одновременная беременность сблизила молодых женщин.

Поскольку все попытки улучшить состояние Мартена заканчивались провалом, она решилась на то, что казалось ей до некоторой степени предательством по отношению к Марион.

Но у нее не оставалось выбора. Она не могла просто присутствовать при этом медленном, но упорном саморазрушении, не пытаясь как-то ему противостоять. Она не узнавала собственного отца, ставшего почти чужим. Пора было вмешаться.

– Все это похоже на атаку пришельцев, – однажды поделилась она с Марион. – Внешне он вроде как тот же, но внутри его место захватил кто-то другой.

Марион содрогнулась.

И тогда Иза решила действовать.

Она приехала в офис Мириам в первый день декабря. Мириам показалась ей похудевшей и усталой. Но при этом красивой, как всегда. Изабель в данном случае не могла быть объективной: бывшая жена отца с ее широкими плечами, матовой кожей, черными глазами всегда была для нее эталоном женской красоты. В детстве она хотела во всем походить на нее, что смешило и трогало Мириам, которая когда-то давно, еще до встречи с Мартеном, потеряла своего первенца и больше родить не могла.

Иза была единственным ребенком Мириам, другого у нее никогда не будет. Совершенно разные во всем, они понимали друг друга с полуслова, и Мириам ждала родов Изабель с таким же нетерпением, как и ее падчерица.

– Что случилось? – спросила Мириам, отрываясь от толстого досье.

– Все хорошо, – успокоила ее Иза, дотронувшись ладонью до живота. – Да нет, не все хорошо. На самом деле все плохо. Папа слетает с катушек. По полной программе.

– То есть?

– Я его не узнаю. Он где-то далеко. Он невыносим, его как будто нет с нами. И чем дальше, тем хуже.

– А что об этом думает его подруга?

– То же самое.

Мириам вздохнула и встала.

– Послушай, Иза, ты же понимаешь, что у меня нет ни малейшего желания влезать в личную жизнь твоего отца. В конце концов, у него другая женщина.

– Ты ревнуешь?

Мириам тяжело вздохнула:

– Не болтай глупости. Жизнь твоего отца меня не касается. Больше не касается.

– Но я не прошу тебя выступать в роли консультанта по семейным проблемам, – завокнувалась Изабель. – Я его просто не узнаю. Иногда...

Она замолчала.

– Иногда?

– Я боюсь, как бы он не наделал глупостей. Он ходит, шаркая ногами. Одевается, как бомж. Пару дней назад я заметила, что он изучает свою страховку. Не хочет ни с кем разговаривать. До него теперь не достучаться. Ни Марион, ни мне.

– А чего ты ждешь от меня?

Иза посмотрела на Мириам так, будто та только что сказала нечто чудовищное. Потом вдруг спохватилась.

– Ты права, – проговорила она. – Это идиотизм, я понимаю. Извини.

Мириам подошла к ней и обняла. Иза опустила голову на плечо матери – ну, почти матери – и обхватила ее руками.

В такой позе они застыли, не шевелясь.

– По-моему, я его чувствую, – прошептала Мириам.

– Он постоянно дерется.

– Посмотрю, что можно сделать с Мартеном, но ничего тебе не обещаю. Знаешь, я и твой отец...

– Знаю-знаю, – согласилась Иза, – вы уже не вместе. К тому же у него Марион.

– Я не то хотела сказать... В последнее время всякий раз, когда мы видимся, мне кажется, что нам от этого становится только хуже, а не лучше.

– Не представляю, что еще может сейчас ухудшиться, – пожала плечами Иза. – Сама увидишь!..

Глава 3

Понедельник

Взглянув на тело, Жаннетта сразу поняла, что его не перемещали. Об этом свидетельствовала кровь, которая вытекла из ран и застыла под головой.

Чтобы приблизиться к труп и при этом не затоптать и не стереть следы, среди которых могли быть следы убийцы, сотрудники технической службы соорудили мостки из досок и бетонных плит со стройки.

Два молодых человека в белых халатах делали гипсовые слепки отпечатков обуви и менее очевидных следов.

Жаннетта приподняла левую ногу и рассмотрела рисунок своей подошвы. Он полностью совпадал с найденными специалистами.

– Новые Nike Air, – заметила она. – Тридцать восьмой размер, как у меня, могу поспорить.

– Тогда придется вас арестовать, – ответил тот, что посимпатичнее.

Никто не засмеялся, и парень покраснел.

Жаннетта подмигнула ему, и он приободрился.

К ней присоединился слегка запыхавшийся Оливье. Он был вторым заместителем Мартена и по субординационной логике стал заместителем

Жаннетты. В результате их отношения складывались не совсем гладко.

– Никто из рабочих со стройки ничего не видел и не слышал.

– С таким грохотом, как здесь, не удивительно, – сказала Жаннетта. – Знаешь, в котором часу они заканчивают?

– В семнадцать часов. В шестнадцать по пятницам. Но это официально, а отклонения всегда бывают.

К Жаннетте подошла Билье. Женщины хорошо знали друг друга и обменялись улыбками. Билье, дама с яркими пухлыми губами, была директором лаборатории научно-технической службы.

– Окоchenение, фиолетово-красные пятна в местах контакта с землей. Зеленых пятен на животе пока нет. Температура тела равна плюс-минус температуре воздуха.

– От суток до четырех дней, – прокомментировала Жаннетта.

– Ну, да, теоретически так. Я полагаю, пятница, с шестнадцати до двадцати. Два выстрела, оба смертельных.

Жаннетта кивнула и не стала задавать вопросов. Она привыкла доверять заключениям Билье, которые в дальнейшем будут строго аргументированы в ее отчете.

Билье отошла, споткнувшись на доске и едва не упав. Оливье схватил ее за руку, но она резким движением высвободилась. В детстве она переболела полиомиелитом, оставившим ей на память неполноценную ногу, которая была короче другой. И ей не нравилось, когда об этом напоминали, даже из лучших побуждений.

Жаннетта последовала за ней.

– Похоже, он угодил в ловушку, – предположила она. – Как, по-вашему, я права?

– Звучит более чем правдоподобно. Причем тот – или та, – кто его убил, извлек пули. Застрявшую в сердце, вероятно, с помощью пинцета. Я проверила рану.

– Убийца использовал пинцет?

– Судя по всему, да. Причем не какой попало, а хирургический, с помощью которого можно проникнуть в рану и вынуть из нее посторонний предмет.

– Хотите сказать, убийца предусмотрел, что ему понадобится пинцет?

– Да. По всей вероятности, он был у него с собой.

Последовало молчание. Чего они только не повидали, но в самой мысли об убийце, который запасся пинцетом, чтобы извлечь пули из тела своей будущей жертвы, было нечто леденящее кровь.

– Чем он занимался, когда был жив? – спросила Билье, глядя на тело.

– В карманах мы ничего не нашли.

– Отсканируем фото анфас и в профиль, но если его нет ни в одной базе данных...

– Знаю.

– Как дела у Мартена? – сменила тему Билье.

– По-прежнему в отпуске. Я его уже давно не видела.

Билье задумчиво покачала головой.

– А что? Считаете, я не на высоте? – спросила Жаннетта скорее с любопытством, чем агрессивно.

– Я считаю, что вы единственный, кроме него, человек, способный распутать все эти хитроумные узлы. Просто я люблю Мартена.

Она отвернулась и поспешила к своим коллегам, чтобы поторопить их.

Жаннетта посмотрела ей вслед. Скрывался ли какой-то намек за этим мало что значащим заявлением? И если да, то какой?

– Я тоже люблю Мартена, – пробормотала она. – Все любят Мартена. Все, кроме него самого.

Тут она улыбнулась, вдруг поняв, какую мысль хотели до нее донести.

Глава 4

Понедельник

Как только Мартен открыл дверь, у Мириам сжалось сердце. Одежда – бесформенная майка и купленные ею лет пятнадцать назад брюки – болталась на нем. Он потерял добрый десяток килограммов, но это было отнюдь не единственной переменной. В его ускользающем взгляде сквозило что-то вроде растерянности, словно ему в глаза бил слишком яркий свет.

Ей пришлось шагнуть вперед, чтобы он отступил и пропустил ее в квартиру.

Вслед за ним она вошла в большую гостиную.

– Все так скверно, да? – криво усмехнулся он.

Тон, которым был задан вопрос, на мгновение успокоил ее. Если он способен подшучивать над собой, значит, не все потеряно.

Девушки хорошо поработали, приводя гостиную в порядок. На фоне стен цвета яичной скорлупы бледность Мартена выглядела особенно заметно.

Шрам, появившийся у ее бывшего мужа, Марион видела впервые. Вздутая пурпурно-фиолетовая черта перечеркивала шею под углом – вдоль этой длинной извилистой линии волосы уже никогда не будут расти. Впрочем, хирург сделал свою работу чисто. Но страдал Мартен вовсе не из-за ранения. На сей раз он физически ощутил, что по природе смертен, и именно эта мысль, по всей видимости, подтачивала его изнутри.

Некоторые из тех, кому удалось избежать потустороннего мира, успевали, говорят, увидеть туннель и белое сияние и по возвращении пребывали в непоколебимой безмятежности. Но это был не его случай. Она не знала, что Мартен видел или чувствовал, находясь в коме, но последствия выглядели катастрофическими.

– Ты на диете? Мне ты нравился более упитанным, – заметила она.

– Я не на диете, просто не хочу есть, и все. Это Иза призвала тебя на помощь?

Она вздохнула. Депрессия не депрессия, но свои таланты он не растерял. Как это повлияет на их диалог, усложнит или упростит его, она пока не знала.

– Посттравматическая депрессия в расцвете, – заявил он. – Если ты знаешь, как из нее выбраться, отлично. Это облегчило бы жизнь всем, включая меня.

– Ты подумываешь о самоубийстве?

– Да. Но скорее чтобы о чем-нибудь поразмышлять, чем с серьезными намерениями... Я тут немножко посчитал, но даже с финансовой точки зрения девочкам от этого будет мало проку.

Она пыталась распознать в его словах нотки жалости к себе самому, но они отсутствовали.

– А ты не пытался вернуться на работу?

– Бригада отлично обходится без меня. Их процент раскрываемости никогда не был таким высоким.

Мириам уселась в одно из двух разлапистых кресел с потертой обивкой и положила ногу на ногу. Мартен даже не взглянул на ее ноги. Это настолько противоречило его обычному поведению, что уровень беспокойства резко подскочил.

– Нальешь мне что-нибудь? – попросила она.

Он порылся в шкафу и вернулся к ней с бокалом сухого мартини. Она сделала глоток. Пропорции были правильными, но он не положил лед.

– Ты со мной не выпьешь?

Он как будто удивился, потом пошел на кухню и принес большой стакан выдохшейся газировки.

– У тебя кончилось пиво?

– Забыл попросить девочек купить.

– А сам ты не в состоянии сходить в супермаркет на углу?

– Для этого мне недостаточно хочется пива.

Он сел напротив нее на табурет. Впервые посмотрел ей в глаза. И снова Мириам показалось, что она заметила в его взгляде какой-то отблеск, мимолетный след прежнего Мартена.

– Я – безнадежный случай. Извини.

На сей раз жалость к себе явно присутствовала, и попытка иронизировать не могла замаскировать ее. Она встала и отставила почти полный бокал. Мужчина, сидящий напротив, мало чем напоминал Мартена, которого она любила. Иза права: чужой – инопланетный монстр – захватил это усохшее тело и пожирал его изнутри. Ей захотелось ударить его, чтобы изгнать демона, невидимого пришельца, паразитирующего на нем.

Только что бы это дало? Мириам не имела ни малейшего представления, как ему помочь. Возможно, тут ничего не поделаешь. Собственное бессилие привело ее в отчаяние. Не нужно было приходить.

Она развернулась и вышла из квартиры.

На улице снова пошел дождь. Ледяной дождь, принесенный тучами с северо-востока.

Возле подъезда она встретила Жаннетту. Женщины обнялись. Подругами они никогда не станут, но уважают друг друга.

На лице Жаннетты были заметны следы ран, нанесенных убийцей с арбалетом. Куда-то подевались круглые щеки подростка, которые она сохраняла до недавнего времени, несмотря на свои тридцать лет. Под глазами – темные круги, которые не скоро исчезнут, а зигзаг мелких шрамов вокруг губ уже, наверное, никуда не денется. Зато взгляд оставался ясным, в полном контакте с окружающей действительностью. Взгляд человека, который выжил.

– Как он? – спросила Жаннетта у Мириам.

– Плохо.

Жаннетта молча покачала головой.

– Мне стыдно. Я выдержала не больше пятнадцати минут. Захотелось хорошенько ему врезать, и я предпочла уйти. Размазня.

Жаннетта улыбнулась:

– Знали бы вы, сколько раз мне тоже хотелось ему как следует врезать, но я просто выходила из кабинета...

– Не представляю, как ему помочь. Чувствую себя абсолютно беспомощной. Сбежала, словно воровка...

– Вы его слишком любите, – констатировала Жаннетта.

Мириам почувствовала, что краснеет. Неужели так заметно и все это видят? Нет, Жаннетта особенная, она чувствует людей. Мартен как-то сам ей это сказал.

– Мне тут кое-что посоветовали, – заметила Жаннетта.

– Вы его приведете в чувство, да?

– Попытаться-то можно. Он, конечно, догадается о моих намерениях, но вдруг повезет...

Мириам сжала ее руку:

– Удачи вам!

Мириам вернулась к серебристому “мини-куперу” – она называла его своей “стервозной машинкой” – и скользнула за руль.

Она от всего сердца желала Жаннетте успеха в деле, которое ей самой не удалось. Но вместе с тем знала, что, если это случится, она не скоро простит Мартена.

Нет, я не потерпела неудачу, сказала она себе, я даже не попыталась. И ее захлестнула волна стыда. Реакция отторжения оказалась настолько сильной, что она даже не сделала усилия, чтобы ее преодолеть. Она не оставила Мартену ни малейшего шанса. А ведь наверняка существует рычаг, на который можно было попробовать нажать. Что-то такое, что заставило бы его выбраться из этого душного панциря, отвлечься от жалости к себе и перестать заниматься саморазрушением. Конечно, это болезнь, а не каприз. Мириам это знала. Но в глубине души все равно продолжала злиться на него.

– Ты уже практически уверена в том, что убийца – женщина, – сказал Мартен Жаннетте. – Будь это мужчина, жертва бы насторожилась и не последовала за ним. В эту гипотезу отлично вписывается и тридцать восьмой размер.

– Ну да. Только откуда нам известно, что жертва последовала за убийцей, а не наоборот? Возможно, убегал как раз мужик.

– В тупик?

Жаннетта нарисовала для него схему места преступления, он держал листок исхудавшей рукой и, нахмурившись, вглядывался в рисунок.

Его агрессивная реакция выглядела почти профессионально. Добрый знак!

– Зачем обычно преследуют женщину?

– Ты имеешь в виду насильника? А она вроде защищалась? Я в это не верю.

– Ты права, не стыкуется. Судя по твоему описанию, больше напоминает расправу.

– Мечь?

– Или заказ.

Она раздраженно пожала плечами:

– С каких это пор объект заказа преследует убийцу? Обычно бывает наоборот, тебе не кажется?

– А если это женщина, которая его завела... Ой, да не знаю я, – сказал он, неожиданно теряя всякий интерес. – Я от тебя устал.

– А если это было свидание, которое плохо кончилось?

– Почему бы и нет?

Он вернул ей рисунок, откинул голову и прикрыл глаза.

Конечно же нет, должен был сказать он. В таком месте свидания не назначают.

Мартен выглядел усталым и явно не мог дожидаться, когда она уйдет.

Жаннетта встала, чувствуя, что разочарована лишь частично. После того, что ей сказала Мириам, она не ожидала легкой победы.

Мартен тоже поднялся и направился к ней, слегка наклоняясь вперед. Она было подумала, что он ее поцелует, чего раньше никогда не делал. Вместо этого он с бесконечной нежностью погладил ее верхнюю губу. Она застыла. До сих пор он никогда к ней не прикасался, даже руку не пожимал.

– Я раньше тебе этого не говорил, Жаннетта, но я ужасно виноват перед тобой, – прошептал он. – Это все из-за меня.

Он отвернулся и поспешно вышел из комнаты. Брюки болтались на его похудевших ногах.

В тот момент, когда она тянула на себя входную дверь, чтобы ее закрыть, Жаннетта почувствовала какое-то сопротивление и отпустила ручку.

Дверь приоткрылась на несколько сантиметров, и в образовавшейся щели возникло лицо Мартена.

– Вы проверили, это не полицейский? – спросил он.

Она застыла в изумлении. Как они не подумали? Такая вероятность не пришла в голову ни ей, ни кому-либо из коллег. Дверь снова закрылась, и она простояла какое-то время на лестничной площадке, не в силах сдвинуться с места.

Полицейский! Что-то такое было в облике жертвы... Одежда продуманно нейтральных, незаметных цветов от коричневого до серого, удобная обувь для долгой ходьбы, практичная и неэлегантная рубашка с галстуком – наряд, в котором так легко затеряться в безликом потоке офисных служащих... Да нет, об исчезновении полицейского не сообщалось. То есть пока не сообщалось... Он прав, это вполне мог быть их коллега. А если это так, то где-то имеются досье, конкретные элементы дела, отчеты, след, по которому можно пойти...

У нее возникло ощущение, что сейчас был сделан шаг в правильном направлении. Благодаря Мартену.

Глава 5

Понедельник

Она размышляла. Тело должны были найти только сегодня утром, но и в выходные она не бездельничала.

Через несколько часов после убийства она ощутила внизу живота первые симптомы привычной атаки вируса. Немедленно приняла две таблетки зовиракса и намазала затронутую зону кремом. Герпес, которым она страдала с детства, всякий раз возвращался после особенно сильного стресса. Каковым в данном случае было убийство. Лекарства срабатывали, покалывание, будто от электрического тока, прекращалось уже через сутки. Иногда на поверхности кожи даже не появлялось никаких следов, но она ощущала инфекцию, затаившуюся внутри и готовую в любой момент наброситься.

Когда она была подростком, а новые лекарства еще не открыли, временами ее лобок покрывался гнойниками, наполненными желтоватой жидкостью и наползающими один на другой. Все мучительно болело, чесалось, но это были единственные мгновения передышки от ада, в котором она тогда жила. Болезнь вызывала такое отвращение у учителя, что он на время оставлял ее в покое.

Ей не удалось взломать сейф в агентстве детектива. Зато она без труда открыла запертый на ключ ящик стола, где лежало десятка три типовых договоров, заполненных и подписанных клиентами.

В его квартире она не заметила ничего, что могло бы представлять для нее хоть какой-то интерес. Мужчина жил один, преподавал в заочной школе частных детективов. Немного занимался спортом и посещал курсы совершенствования английского и испанского языков. Не за что зацепиться. Ни намека на записную книжку, где бы он делал личные заметки по отработываемым заказам. И на

жестком диске компьютера тоже не содержалось ничего, что бы можно было прямо или косвенно связать с его расследованиями...

Она сразу исключила контракты, заключенные более месяца назад. Она была уверена, что детектив следил за ней не дольше двух последних недель. Иначе она бы заметила или почувствовала это раньше.

Таким образом, оставалось одиннадцать имен с адресами и номерами телефона.

И имя человека, заказавшего слежку за ней, неизбежно присутствовало в этом списке.

Как ее нашли? Какую ошибку она допустила? Она обязана разоблачить того, кто хотел расставить ей ловушку. За именами непременно должны появиться лица и подробные биографии, чтобы она смогла наказать того, кто имел наглость преследовать ее. Да, заодно будут устранены и невинные, но это единственный способ заделать брешь.

Ледяной обруч сжимал сердце, немыслимая ярость сжигала мозг и внутренности, но в остальном она была спокойна и холодна, словно высеченная из мрамора скульптура. Некто неизвестный посмел вмешаться в ее жизнь и теперь заставляет принимать решения, которые таят в себе опасность. Она приехала сюда и наконец-то обрела покой, даже начала потихоньку планировать будущее. А теперь все снова ставится под сомнение?! Она уже давно не чувствовала себя так глубоко оскорбленной.

Она отсканировала все одиннадцать договоров и ввела их в свой компьютер. Теперь она была готова в любой момент воспроизвести список по памяти.

Себастьян Гроссар, ул. Университетская, 227, Париж 75007

Жюли Родез, ул. Анатоля Франса, 22, Коломб 92

Стефан Олье, ул. Шалиньи, 15, Париж 75012

Эмерик Танги-Фрост, ул. Алле, 21, Париж 75014

Жорж Форье, тупик Гетэ, 8, Париж 75014

Ален Карьеф, Вилла Моне, 19, Париж 75019

Катрин Амар-Фюзен, ул. Круа-Нивер, 82, Париж 75015

Элуа Вилкевиц, ул. Розье, 12, Париж 75004

Вальдек Мирманс, ул. Рейнуар, 12, Париж 75016

Стефани Маллори, аллея Руа, 1, Сен-Жермен-ан-Лэ 78

Жак Фаильоли, площадь Орлож, 33, Лион 69000.

Если не удастся быстро вычислить того, кто заказал слежку, ей придется переключиться на предельную скорость. И это будет грязная, опасная, утомительная, но неизбежная работа. Время поджимает. То, что знает о ней некто пока неизвестный, вполне мог узнать и кто-то другой – ведь она даже не догадывается, какая ошибка или какой дурацкий случай выдали ее. Кто-то хочет до нее добраться. Хуже всего, что она не в состоянии предположить, откуда грозит опасность.

За спиной она услышала шаги. Не обернувшись, но легким нажатием пальца перевела компьютер в режим ожидания.

Теплая, сухая рука скользнула под блузку и нежно сдавила правую грудь. Она задрожала. Откинула голову назад и закрыла глаза, когда он поцеловал ее в шею и куснул ухо. Прижала поднятые ладони к его вискам и поцеловала в губы, не открывая глаз.

Она расслабилась. Сегодня вечером все равно не удастся ничего сделать, так что можно насладиться настоящим моментом.

Его руки прервали свое движение вниз. Она никогда не рассказывала ему о герпесе, но сегодня вечером ей не понадобится предлог для отказа от секса. Им никак нельзя опоздать на ужин, слишком важный для него.

Однако уже сегодня ночью, когда он уснет, она начнет действовать. Решительно и безжалостно. Да, пострадают невинные. Но разве не так повелось с незапамятных времен? И разве сама она не была невинна в пять лет, перед первым разом?

Глава 6

Понедельник

Впервые после выхода из больницы Мартен ощущал, что его терзают не только привычные навязчивые страхи. Ему не понравилось то, что он прочел во взгляде Мириам. Это было... Он старался избегать четкой формулировки, но слово “разочарование” само собой выскочило на поверхность. Или даже нечто более обидное, чем разочарование. Отвращение. Тем хуже для меня – и для нее, мысленно повторял он, пытаюсь избавиться от тягостного и болезненного чувства, которое вызвала реакция Мириам.

Если он согласился поиграть в вопросы и ответы с Жаннеттой, то одной из причин было отношение Мириам. Ему пришло в голову доказать, что если бы он захотел, то смог бы, но он не хочет, потому что все теперь потеряло смысл.

Интересно, они сговорились или пришли практически одновременно по чистой случайности? Или тут замешана Иза? Все дело в Изе, которой надоело видеть отца в таком состоянии. Уж во всяком случае Марион тут ни при чем. Она бы ни за что не попросила помощи у Мириам. Девочкам стоило бы хоть на время оставить его в покое. Тут он подумал, что пора уже перестать воспринимать Марион и Изу как “своих девочек”. Марион – его подруга, пусть он и не спал с ней после выхода из больницы, но до того ведь успел сделать ей ребенка, и со временем они наверняка начнут снова спать вместе. Наверняка.

Однажды он прекратит чистить зубы по двадцать минут кряду, просто чтобы убить время. Он выглянет в окно, выйдет в конце концов на улицу и присоединится к себе подобным. Однажды.

Он включил телевизор и погрузился в созерцание фильма о животных, потом, переключая каналы, наткнулся на дискуссию, темой которой было влечение, точнее, отсутствие такового у мужчин.

Один исследователь утверждал, что пятнадцать процентов взрослых мужчин вообще не испытывают желания, ни гетеросексуального, ни гомосексуального, ни вообще какого бы то ни было. Он связывал этот недостаток с функционированием определенных отделов мозга. Ссылаясь на результаты двойных и тройных слепых тестов. Испытуемым, череп которых был опутан датчиками, последовательно демонстрировали слайды, сперва нейтральные, потом с возрастающей эротической компонентой. Среди них были и “здоровые” особи, и мужчины, “болеющие” отсутствием желания. У последних в некоторых зонах мозга не фиксировалось никакой активности.

Зоны с отсутствующей реакцией. Мартену пришло в голову, что и у него некоторые участки мозга утратили активность. Неужели пуля убийцы спровоцировала физиологическое отклонение, заблокировав какой-то из биохимических процессов?

Он подумал: может, стоит пройти сканирование мозга еще раз? Его уже трижды подвергали этой процедуре, но тогда врачи не проверяли участки, отвечающие за сексуальное влечение. А хотелось ли ему на самом деле вновь обрести его?

Мартен выключил телевизор и пошел искать в вещах Марион женский журнал. Перелистывая страницы, он наткнулся на рекламное объявление с фотографией роскошной обнаженной женщины, снятой со спины, в три четверти оборота. Восхитительный изгиб талии и ягодиц. Профиль богини. Снимок был подретуширован, но искусно. В данном случае он, как ни странно, не напоминал виртуальную фигурку в 3D: можно было разглядеть текстуру кожи, нежный светлый пушок на бедрах и руках. Он попробовал представить себе, как обнимает ее. Прижимает к себе. Осторожно проводит ладонью по тонким волоскам, скользит языком вдоль позвоночника... Почувствовал ли он возбуждение? Трудно сказать. Возможно, смутную дрожь. Он дотронулся до члена. Даже если дрожь ему не померещилась, все равно это была реакция рассудка в чистом виде.

Он заставил себя представить более выразительную сцену с участием их обоих: женщины и его, Мартена. Вот они встретились в лифте. На этот раз она одета, но все так же прелестна. И очень расстроена, потому что у нее в ванной протекает труба. Он предлагает помочь. Ошибается, и вода бьет фонтаном. Оба они промокают до нитки. Она снимает майку и, ничуть не смущаясь, предлагает ему просушить сорочку. И вот они, полуобнаженные, стоят в маленькой ванной комнате, волнующий момент, они касаются друг друга, и она вдруг набрасывается на него. Они начинают целоваться, ласкать друг друга, но неожиданно зацепляют сушилку для белья, которая обрушивается на них вместе со всем, что на ней развешено. Смеясь, они пытаются выбраться из-под горы влажной одежды. И тут открывается входная дверь. Няня привела из школы сына женщины. Когда это я успел придумать этой девушке сына, спросил себя Мартен. И с какой стати чертова сушилка свалилась нам на голову?

Попробовать что-то более развратное? Вот он сидит поздно вечером на работе и слышит крики. Полицейский в форме насилует проститутку в камере предварительного заключения. Мартен бьет полицейского и уводит девушку в медпункт. Она хочет выразить ему благодарность. Но, увидев ее лицо, он ужасается, насколько оно потасканное. К тому же вокруг губ полно прыщей. Или угрей. Слишком часто делала минет немытым клиентам?

Он вздохнул. У него получалось сконцентрироваться и представить себе сцены с мощным эротическим потенциалом, но за этим следовало неотвратимое фиаско.

А если попробовать с женщиной, с которой он уже спал? Мириам? Эту идею он тут же отверг. Невозможно. Почему невозможно? А вот невозможно, и все. Марион? К ней он испытывал бесконечную нежность. Беременность сделала ее красивой и трогательной, смягчила линии тела и лица, округлила крохотную грудь, не испортив ее. Не за что зацепиться, чтобы приступить к эротическим фантазиям. Это было бы почти... неприлично. А если сделать участницей фантазий самую первую жену, мать Изы? Но время развело их так далеко... Стоило ему подумать о ней, и она возникала у него перед глазами совсем юной, такой, как была тогда, когда они оба все время хотели друг друга. Только он-то с тех пор стал совсем другим. А когда-то давно два совсем юных существа и представить себе не могли, что им уготовано жизнью. Впустить ее в свои эротические мечты казалось ему почти столь же немыслимым, как если бы это была Иза. Получалась жуткая смесь инцеста и некрофилии.

Марион и Иза нашли его уснувшим в кресле, у ног валялся женский журнал. Они переглянулись, но никак не прокомментировали увиденное. Марион подняла журнал, бросила взгляд на изогнувшуюся обнаженную женщину и закрыла его.

Вечер понедельника

Ужин вполне соответствовал ее ожиданиям. Никакой фантазии, одна скука и формализм. Всеобщее внимание монополизировал председатель партии – шеф ее мужа: он попеременно острил и рассказывал анекдоты, встречаемые благоговейным молчанием и угодливым смехом, а в перерывах прижимался к ней коленом, чего никто, включая супругу великого человека, как будто не замечал. Ее впервые пригласили на официальный ужин с титаном, и этой привилегией она была обязана своему семейному положению.

Председатель пользовался репутацией неутомимого соблазнителя жен своих подчиненных, а также сотрудниц, и, похоже, не собирался ждать следующей встречи, чтобы включить ее в число охотничьих трофеев.

Каждой клеточкой тела она чувствовала близость власти, нечто вроде почти эротического возбуждения, которое электризует атмосферу, заставляя женщин слишком громко смеяться, а мужчин – будь они барашками или хищниками – внутренне сжиматься.

Она приняла еще две таблетки зовиракса. Герпес отступил. Возможно, даже удастся избежать высыпания. Она чувствовала себя непринужденной, в отличной физической форме.

Время от времени она исподтишка изучала профиль главного мужчины, “Царя-Ворона”, как она его втайне окрестила. На него было бы нетрудно нарисовать карикатуру: выкрашенные в черный цвет волосы, на лбу и щеках глубокие морщины, с которыми не мог справиться ни антивозрастной крем, ни ботокс, слишком белые зубы, слишком большие старческие уши, с тщательно удаленными волосками, искусственный загар на потрепанном лице. Отлично скроенный костюм и белоснежная, идеально пригнанная сорочка маскировали другие признаки возраста, однако никаким уловкам не под силу было скрыть повадки старого ненасытного хищника, который не готов отказаться от привычных утех. Он оставался центром притяжения, всеобщего внимания и

улыбок раболепной толпы. Большинство молодых женщин, присутствующих на приеме в одиночестве или в сопровождении мужчин, смотрели только на него. Ее это удивляло.

Она взяла лежащий рядом с тарелкой нож для мяса, взвесила его на ладони. Она могла бы безо всяких усилий воткнуть этот нож ему в сердце. Или одним движением перерезать яремную вену и сонную артерию.

Она испытала внутренний восторг, представив себе, какой страх охватил бы их всех, почти услышала вопли ужаса, увидела, как кровь брызжет в перепуганные лица ярко-алым фонтаном, заливает платья и сорочки, пачкает скатерть и сверкающий хрусталь.

В общей суматохе никто бы даже не обратил на нее внимание, и она ушла бы как ни в чем не бывало.

– О чем вы задумались, дорогая Магдалена? – спросил Царь-Ворон, склонившись к ней и усиливая давление на бедро. – Как говорят наши друзья-англичане, a penny for your thoughts[2 - Здесь: все бы отдал, чтобы узнать, о чем вы думаете (англ.).].

Она ослепительно улыбнулась ему:

– Восхитительный прием. Все такие милые. Мне кажется, будто я попала в волшебную сказку.

Она заметила проблеск недоверия в глазах старого ловеласа: эта дама смеется надо мной? Она обожала притворяться идиоткой, но его обмануть не удалось. Просто так председателем партии не становятся!

Впрочем, любого мужчину несложно обвести вокруг пальца. Она в свою очередь легонько прижалась к нему бедром и почувствовала, как его прошила дрожь удовольствия, а все сомнения мигом улетучились.

Скоро и Магдалена окажется в его власти в маленькой квартирке на левом берегу Сены или в каком-то другом месте. Она будет лежать под ним и вопить, как все они. Ничто так не возбуждает, как власть, да и виагру не зря придумали.

Она встретила насторожившийся взгляд красивых глаз Франсиса, сидевшего напротив. Репутация патрона была ему хорошо известна. Магдалена улыбнулась и подмигнула мужу, и он мгновенно расслабился. Она ощутила привычный легкий толчок внизу живота, который чувствовала всякий раз, когда видела его или даже думала о нем. Ни один мужчина никогда не оказывал на нее такого действия.

Она тщательно нарезала мясо на мелкие кусочки и отправляла их в рот один за другим. Все происходящее вокруг вдруг стало ей безразлично. Мысленно она переместилась на два часа вперед и пошла по следу первого номера из списка. Франсис будет крепко спать и даже не заметит, что ее нет в постели. Что же до председателя... Посмотрим, решила она. Такой любовник может стать достойным союзником, способным распахнуть перед ней все двери и защитить ее.

Глава 7

Вторник, ноль часов пятнадцать минут

Дома она почувствовала, что ноздри буквально пропитались запахом смерти, отвратительной смесью дефекации, кислого пота и крови. Она знала, что это чисто психосоматическая реакция. На ее коже нет и быть не может ни одной биоорганической молекулы убитого ею человека.

Магдалена ощущала короткие приливы лихорадки, вновь переживая случившееся. Убила она зря. Мужчина без толку расстался с жизнью, из-за того что заказал слежку за невесткой, которую подозревал в измене сыну. Он не успел понять, что с ним происходит. Перед тем как убить его, она убедилась в том, что жена – ее не было дома – не знает об инициативе мужа. Благодаря чему та избежала участи супруга.

В одном из ящиков она нашла и забрала копию договора с детективом. Нет следов – нет мотива.

Не всегда будет так безумно везти. Даже статистически нереально, чтобы все беспрерывно шло без сучка и задоринки.

В списке еще оставалось десять имен. Ее охватила слабость от сознания масштаба задачи. И чем дольше она будет стараться докопаться до источника утечки, тем больше опасность оставить следы. Кто знает, вдруг она уже совершила непоправимую ошибку? Что-то забыла, и это что-то однажды выведет на ее след? Сегодня уровень криминалистической науки таков, что даже мельчайшая улика может выдать огромный объем информации.

Этой ночью она продумала все до мелочей. Вошла в его квартиру в комбинезоне аквалангиста, поверх которого была надета огромная, на четыре размера больше ее собственного, новая водонепроницаемая куртка с капюшоном. На ноги она натянула специальные нескользящие носки, а на руки перчатки из spectra, нового синтетического материала, значительно более тонкого и прочного, чем кевлар. Волосы убрала под шапочку для ныряния, закрыв ее сверху капюшоном куртки. Вся с головы до ног в матово-черном, она была практически невидима. Вещи она приобрела в Бельгии или Голландии, въехав туда по фальшивым документам.

Мужчину она задушила рояльной струной. После переезда во Францию она покупала на распродажах предметы, на первый взгляд бесполезные, которые складывала в подвал, а потом время от времени использовала.

Вернувшись, она сняла и выбросила куртку, потом как следует отстирала комбинезон, после чего замочила его в отбеливателе.

Затем она тщательно вымылась с мылом под душем, вытерлась и с ног до головы намазалась ночным кремом. Живот между пупком и лобком оставался чистым. Ни малейшего покалывания – предвестника высыпания.

Но запах смерти никуда не делся. Никаких картинок перед глазами, только запах. Возможно, тело привыкало к убийству быстрее, чем сознание. Леди Макбет, подумала она, безрадостно усмехнувшись. Запах, воображаемый или реальный, в конце концов ослабеет и исчезнет. Раньше убийства не вызывали у нее такой реакции. Теперь же что-то изменилось. Она знала, что ей придется терпеть этот воображаемый запах несколько дней кряду, и со страхом думала о том, что когда-нибудь будет вынуждена с ним жить.

Муж крепко спал, когда она скользнула в кровать и прижалась к нему. Провела рукой по плечам, груди, животу, испытав радость от контакта с таким теплым и живым телом. Что он видел во сне? Ее? Свою карьеру? Или что-то другое, ту потайную вселенную, куда ей нет и никогда не будет доступа? Может, свою погибшую невесту? Она почувствовала, как живот пронзила кинжальная боль. Только не это. Перестанет ли она однажды любить его так же неожиданно, как влюбилась? Нет, “влюбилась” – слишком слабо сказано.

Она была потрясена, впервые увидев его в толпе на светском вернисаже год назад, почти день в день. Словно получила удар электрошокером. Резкий порыв всего естества: она тогда не считала себя способной на такое, и вначале у нее возникло чувство протеста. Никто не вправе иметь на нее столь сильное влияние. Это немыслимо, унижительно и опасно. Но очень скоро она поняла, что не может с этим бороться. У нее не оставалось выбора, с этим приходилось смириться. И сделать так, чтобы заполучить его.

Чтобы завоевать Франсиса и удержать, она проявила такую же осторожность и осмотрительность, как когда ликвидировала своих жертв. И конечно, такую же безжалостность.

Она узнала, что у него есть невеста, дочь крупного промышленника. Девушка его круга. Невеста погибла через две недели после их встречи. Магдалена выжидала четыре долгих месяца, воспользовавшись вынужденным бездействием, чтобы узнать о нем все. Она была его ангелом-хранителем, заботливой и любящей тенью, и ее сердце начинало биться быстрее, когда к нему приближалась очередная соблазнительная женщина. Нельзя же убивать их всех одну за другой. Но вскоре она поняла, что зря беспокоилась. Он оставался равнодушным к любым попыткам обольщения, будь они тонкими или грубыми.

Как приблизиться к нему? Похоже, тут не годился ни один классический прием. И вот однажды ее осенило. Для осуществления этой безумной и романтической затеи требовалась немалая удача, но другого способа привлечь его внимание просто не было.

Ее план едва не реализовался слишком хорошо. Она оказалась на волосок от гибели во время аварии, которую сама же и подстроила на разбитой деревенской дороге. Он спас ей жизнь, сумев открыть заклинившую дверцу буквально за мгновение до того, как машина загорелась.

Позже, гораздо позже, он рассказал ей, что возвращался после визита к родителям покойной невесты (она это и так знала). То, что он спас ее в автокатастрофе, очень похожей на ту, в которой погибла его невеста, показалось ему знаком судьбы: одна жизнь потеряна, а он спас другую, и почти при таких же обстоятельствах.

– Так ты за это меня любишь? – спросила она, почувствовав внезапный укол жгучей ревности, с которой не могла совладать.

– Возможно, отчасти. Но в основном потому, что ты – это ты.

Этого недостаточно, почувствовала она. Нельзя удержаться от следующего вопроса, даже рискуя получить неприятный ответ.

– А она? Ее ты любил по-настоящему?

– Мы всегда знали, что поженимся, с самого детства... Сегодня я понимаю: то, что я принимал за любовь, было на самом деле безграничной нежностью. Марина была скорее сестрой, чем невестой.

– Попахивает инцестом, – сухо заметила она.

Он засмеялся:

– Наши отношения были совсем не похожи на то, что делаем мы с тобой. Я почти уверен, что она глядит на нас оттуда, где сейчас находится, и любит тебя почти так же, как я.

Временами он был неподражаемо глуп. И к тому же верил в Бога. Какой Бог стерпел бы такое создание, как она? Но если бы Господь все же существовал, бедная глупышка, которую она ликвидировала, сейчас бы не скучала в раю, а сгорала от ярости, наблюдая за тем, как ее жених и любовник трахает ее убийцу по три раза на дню.

Вторник

Мартен встал одновременно с Марион и позавтракал с ней после душа и тщательного бритья.

Она постаралась не выдать своего удивления и радости. Чем вызвана такая перемена? Очень хотелось бы знать, однако с вопросами лучше повременить.

Она спросила его безразличным тоном, который никого не ввел в заблуждение:

– Что будешь делать сегодня?

Поколебавшись, он ответил:

– Пора мне чем-нибудь заняться. Я вообще не понимаю, как вы меня терпите после возвращения из больницы.

Она попробовала улыбнуться, по-прежнему не веря своим ушам. Невероятно. На ее глазах неожиданно и без всякого предупреждения возродился настоящий Мартен.

Чтобы скрыть волнение, она встала и пошла к раковине сполоснуть чашку. Ни за что не покажу, как важен этот момент, не то он снова заползет в свои панцирь!

– Ты поздно вернешься? – раздался его голос.

Ух ты, теперь он интересуется ее делами!

– Нет, не очень... А что?

Он тоже встал и подошел к ней. Легонько дотронулся до нее. В жесте сквозила неуверенность, словно он опасался, что его оттолкнут.

– Я хотел бы поговорить с тобой наедине. Можем где-то встретиться?

– Конечно. А где?

– Возле твоей редакции.

– В семь вечера подойдет?

Что-то происходило... Взгляд Мартена не стал прежним, но это не был и отсутствующий или уклончивый взгляд человека, которого она видела ежедневно с тех пор, как он вернулся из больницы.

Она прижалась к нему и крепко поцеловала.

– Давно пора, – прошептала она, отходя от него. – Черт побери, давным-давно пора.

Как только она ушла, Мартен надел чистые брюки, выглаженную сорочку, взял спортивную сумку, натянул пиджак и пальто и впервые после больницы отправился в гимнастический зал, где раньше тренировался. Иза еще спала.

Почувствовав знакомый неприятный запах пота и дезинфекции, услышав глухие удары штанги по бетонному полу и скрежет металла, он засомневался, правильно ли поступил.

Издаലെка поздоровался с несколькими знакомыми и пошел переодеваться.

В раздевалке он едва не повернул назад, представив себе пытку, которой сейчас себя подвергнет. Как в три-четыре ближайших дня будут болеть мускулы, насыщенные молочной кислотой. Стоит ли оно того? Зачем он сюда вернулся? Чтобы наказать стареющее тело, едва не предавшее его?

Он начал с десяти минут небыстрой работы на гребном тренажере, потом перешел на электронный велосипед. Оказалось, что все не так мучительно, как он предполагал, и через двадцать минут он все еще чувствовал себя вполне бодрым. Первый благотворный результат невольной диеты.

Пора было переходить к главному тесту. В это утреннее время часть зала со скамейками для тренировки мускулатуры и со штангами практически пустовала.

Мартен выбрал скамью и штангу. Даже без дисков она показалась ему тяжелой и несбалансированной.

Выставив сорок килограммов, он ощутил, что мускулы рук и плеч вот-вот лопнут. Он удвоил длительность пауз, но все равно не сумел выжать семьдесят килограммов больше шести раз подряд в первой серии и больше четырех – во второй.

Встав со скамейки, Мартен чувствовал себя так, будто по нему прошелся дорожный каток. Голова закружилась, и ему пришлось сесть, почти упасть на скамью. Он беспокойно оглянулся, но редкие посетители спортзала, похоже, ничего не заметили.

После трехминутного отдыха он попробовал сделать несколько упражнений, тренирующих руки, плечи, ноги, но вскоре был вынужден прерваться, так как испугался, что потеряет сознание.

Всего за несколько месяцев я превратился в старика, подумал Мартен. Чего ж удивляться депрессии?

Он переоделся, даже обойдясь без душа, и посмотрел на часы. Тренировка, если это можно было так назвать, продлилась пятьдесят минут. Его мускулы напоминали мокрый картон – как плотностью, так и прочностью. При первом же глубоком вздохе он рискует развалиться на куски.

Мартен вернулся домой, медленно переставляя ноги и ощущая каждый шаг как агрессию против организма.

Возле газетного киоска он остановился, купил “Монд” и “Паризьен”.

Вот уже несколько месяцев он не заглядывал ни в одну газету.

Дома Мартен проглядел заголовки и прочел рубрику происшествий в “Монд”, а затем и в “Паризьен”. Убийству на берегу Сены уделялось не много внимания. Не

сообщалось ни об одной новой версии. Мужчина по-прежнему оставался неопознанным.

Двое жандармов потеряли в аэропорту Руасси несколько граммов пластида, который они засунули неизвестно в чей багаж во время антитеррористических учений. Колумбийские наркобароны заменили посадки обычной коки генетически модифицированной, из которой можно получить в восемь раз больше кокаина. Американские чемпионы по легкой атлетике уже долгие годы употребляли хитроумный допинг при попустительстве спортивных властей и спонсоров.

Ведущее место на полосе было отдано под сообщения о вечных сражениях внутри главных политических партий большинства и оппозиции. Много писали о партии СРП, Союзе ради прогресса. Ее неутомимый председатель отчаянно цеплялся за власть.

Мартен с отвращением отбросил обе газеты.

Политика нагоняла на него тоску. Мир с непонятными правилами. Он был не настолько наивен, чтобы не понимать, что принадлежит к этому миру и даже является одной из его пружин.

Но он проводил четкую границу между “политиками” – в полиции это директора служб, инспекторы, профсоюзные деятели высшего звена, начальники канцелярий, и всех их он яростно презирал, – и “профессионалами”, выполняющими свою работу: они могли делать ее лучше или хуже, но это была настоящая работа. Граница оставалась размытой, подвижной, и скверные профессионалы временами охотно переходили в политики. С хорошими профессионалами это случалось значительно реже. А политики вообще никогда не становились профессионалами.

Тремя годами раньше Мартен отказался от перевода с повышением в Центральную дирекцию общей разведки. Он не перешел бы в “политическую” полицию ни за какие коврижки. Он считал, что служит обществу, а не государству (разница для него принципиальная). Он был одним из лучших в уголовке и собирался таковым оставаться. Ему было известно, что отказ равносителен пятну в его служебном досье, однако он также знал, что политики

не могут обойтись без хороших профессионалов.

Несмотря на неизбежные уступки и компромиссы, несмотря на блистательное умение манипулировать политиками – своими начальниками, – он всегда считал себя хорошим ремесленником, выполняющим полезную работу ради общего блага. И так продолжалось, пока на его пути не встретился убийца с арбалетом. В этот момент все его убеждения пошатнулись.

Он снял сорочку и стал рассматривать себя в зеркале ванной комнаты. Сошел не только жир. Мышцы тоже растаяли. За несколько месяцев тренировок, безусловно, удастся набрать приемлемую форму, если избегать травм. Он знал, что его дорога к моральному восстановлению лежит через тяжелые физические усилия. Так он устроен.

Я снова стал самим собой, мысленно произнес он, глядя в зеркало и не зная, то ли это констатация факта, то ли пожелание.

Сегодня вечером он приготовит ужин для своих девочек.

Он пойдет за Марион в редакцию и вернется с ней домой. По дороге они поговорят.

Изу он тоже не собирался исключать из своей новой жизни.

Жаннетта размышляла, сидя в кабинете Мартена, который она захватила без зазрения совести, предпочтя его каморке, полагающейся ей в соответствии со званием. Она рассеянно крутила в руках стеклянный куб, в который были вставлены фотографии ее дочери в разном возрасте и мужа: пять дочкиных и одна мужнина. Такой же куб стоял и у нее дома, в коттедже восточного пригорода.

Муж не выдержал того, что с ней случилось. Убийца с арбалетом разрушил их брак. Они жили отдельно и ожидали развода. Мужчины такие хрупкие, подумала она, разглядывая тонкое, немного упрямое лицо бывшего мужа. Даже Мартен оказался менее стойким, чем она ожидала.

Было обеденное время, в кабинетах тишина. Перед ней лежал надкушенный бутерброд, который она не доест, на дне чашки – немного чуть теплого кофе. Она не застала времена, когда полицейским было наплевать на обеденный перерыв. Самые старые вспоминали об этом со смехом. Настоящих сыщиков не осталось. Все они превратились в канцелярских крыс, следующих распорядку дня, словно бюрократы из почтового ведомства или страховой компании.

Месяц назад она получила повышение, однако понимала, что особой ее заслуги в этом нет, никаких иллюзий на сей счет она не питала. Даже если бы она не вычислила убийцу с арбалетом (который, между прочим, чудом ее не пристрелил), ее бы все равно повысили. Число сотрудников полиции, не норовивших, как только ситуация позволит, сбежать из столицы и вернуться в родные края, стремительно сокращалось, поэтому оставшиеся быстрее поднимались по службе.

В Париже гораздо проще, чем в других местах, сделать карьеру в администрации, даже женщине.

Однако Жаннетта, уроженка Шербура, держалась за Париж вовсе не из карьеризма. Просто здесь ей было хорошо. Она любила столицу, и в этом городе, с Мартеном или без него, дел, попадающих к ней, всегда было больше, и они оказывались более сложными и увлекательными. Ни за что на свете она бы не вернулась на работу в провинцию.

Она допила остывший кофе. По ее заказу фотографии убитого отсканировали и отретушировали, и теперь она рассматривала его лицо – крупный план, анфас, в три четверти, оба профиля. Следы крови и зияющую дыру на затылке скрыли, а глаза подретушировали, и они выглядели живыми.

Отпечатки, приколотые кнопками к пробковой доске напротив стола, мало чем помогли ей.

Опубликованное обращение к возможным свидетелям результатов пока не принесло.

Если убитый был полицейским, что по-прежнему казалось ей вероятным, то неясно, каким образом можно ускорить события. Национальная полиция насчитывает чуть больше ста пятнадцати тысяч сотрудников, не говоря уж о

жандармах. Она, естественно, разошлет фотографии по электронной почте во все службы общественной безопасности, в региональную полицию, дирекцию общей разведки, пригородные комиссариаты, центральную администрацию... А почему бы не во внутреннюю контрразведку и даже управление внешней безопасности? Не важно, что несколько тысяч сотрудников этих служб подчиняются не Министерству внутренних дел, а Министерству обороны.

В худшем случае ее сочтут сумасшедшей. Но если это действительно опер, кто-то его когда-нибудь да узнает, хотя процент невыхода на службу настолько высок, что среди тысяч полицейских, отсутствующих на более или менее законных основаниях, вряд ли быстро хватятся человека, действительно пропавшего без вести.

Какая-то догадка трепетала на границе ее сознания... Воспоминание? Не до конца сформулированная идея? Если убийца действительно женщина, если убитый следил за ней, если...

Проснулся телефон. Она машинально подняла трубку. Звонила Билье.

– Пятьдесят процентов за то, что нам удастся выделить полную ДНК вашего убийцы, – сообщила она.

– Браво. А что вы нашли?

– Это не я, – уточнила Билье. – В Институте судебной медицины постарались. Подозрительное светлое пятно на шее жертвы. Высохшая слюна. Она не принадлежит жертве.

– То есть убийца капнул на него слюной?

– По всей видимости, случайно, когда извлекал пулю пинцетом. Убийца все предусмотрел, чтобы его невозможно было идентифицировать, и вдруг он оставляет каплю слюны на теле жертвы. Такая вот ирония жизни. Ну и смерти.

– ДНК позволит узнать, кому принадлежит слюна – мужчине или женщине?

– Да.

Только если ДНК уже есть в базе данных – в чем Жаннетта сильно сомневалась, – по ней удастся вычислить преступника. А если нет, то ее можно будет использовать в качестве улики лишь после его или ее ареста.

Она подумала о пинцете, которым пулю извлекли из тела. Она забыла рассказать о нем Мартену.

Возможно, эти пули были какими-то особенными? Из золота, что ли? Она усмехнулась и тут же поняла, какую мысль ей все это время не удавалось сформулировать.

Частный детектив! Жертва может быть частным детективом. Он следил за убийцей, ведь чаще всего именно частные детективы ведут слежку в одиночку. Полицейские делают это группами или хотя бы парами.

Частный детектив. Открывалось широкое поле для размышлений. Когда частный детектив следит за кем-то? Если подозревается измена, мошенничество... Редко это бывает из-за чего-то серьезного, в таких случаях чаще обращаются в полицию, так даже по закону положено. Измена? Мошенничество? В наши дни и то и другое вряд ли может послужить поводом для убийства. К тому же, насколько она знает, ни один частный детектив не станет следить за человеком, которого подозревает в намерении убить его. Жертва не знала, что ведет слежку за убийцей. Но тогда по какой причине этот детектив следил за ней?

Что-то тут не клеилось. Тем не менее это была неплохая отправная точка.

Она позвонила Оливье:

– Найди мне полный список частных детективов, если таковой существует.

– Срочно?

– Да.

– Ну найду я его, и что мы будем с ним делать?

– Вернешься – поговорим.

Оливье не нравилось быть под началом женщины. Приказам он подчинялся, но неохотно. Не настолько, чтобы схлопотать замечание, но все же его поведение постепенно начинало раздражать Жаннетту. Если Мартена долго не будет, она попросит перевести Оливье в другую группу.

Часы проходили за часами, а ни одна из полицейских служб ничего не сообщала о жертве. Частный детектив становился все более перспективной гипотезой.

Комиссариат седьмого округа связался с уголовной бригадой в восемнадцать часов.

Мадам Эвелин Гроссар нашла своего мужа мертвым в их квартире на Университетской улице, 227, в нескольких десятках метров от Эйфелевой башни.

Покойник находился в собственной кухне, привязанный к алюминиевому креслу модели Navy chair. На нем не было ничего, кроме трусов, белой сорочки и высоких носков. Правое запястье убийца привязал к подлокотнику железной проволокой, а левую руку прикрутил к правой на уровне локтей. Ноги были примотаны к ножкам кресла, во рту кляп, а сама жертва удушена фортепианной струной, глубоко врезавшейся в ткани шеи. Перед смертью его кишечник опорожнился, что, как правило, случается при таком способе убийства. Смесь запахов крови, экскрементов и кухни была непереносимой, даже для опытных сыщиков.

У Эвелин Гроссар случился сердечный приступ. “Скорая” отвезла ее в реанимацию.

Полицию вызвала не она, а соседка, услышавшая ее крик, а затем звук падения.

Место преступления смутно напоминало картину неудачного сексуального эксперимента, но Билье не привыкла делать поспешные выводы.

К концам пятидесятисантиметровой струны от пианино крепились прочные деревянные ручки. Владелец не счел нужным унести ее, после того как сделал свое дело.

Дикость и хладнокровие, подумала Билье. Сочетание, которое редко встречается у убийц. Однако это уже второй случай за два дня, в двух местах, разделенных несколькими километрами. Ничего общего между обоими преступлениями не наблюдалось, за исключением этого ощущения некой родственности. Начнем с того, что в первом случае убийца потрудился извлечь пулю из тела жертвы, тогда как во втором оставил оружие на месте преступления.

Она осторожно извлекла кляп, представлявший собой плотно скрученную тряпку, и осмотрела внутреннюю поверхность рта. Зубы покойного впились в резиновый шарик, заполнивший ротовую полость. Она вынула шар, измазанный слюной и кровью, и щеки провалились, издав хлюпающий звук.

Она приподняла веки покойного. Обширное точечное кровоизлияние по периметру роговицы доказывало, что убийца постепенно стягивал струну на шее жертвы и лишь потом лишил мужчину жизни сжатием, а затем и рассечением артерий и вен, питающих мозг. Агония длилась долго. Бороздки на коже свидетельствуют о том, что убийца ослаблял и стягивал струну несколько раз кряду. Какое преступление совершила жертва, чтобы вызвать такую ненависть? Или это результат слепой ярости самовлюбленного и сексуально озабоченного преступника, ярости, лишенной какого бы то ни было вразумительного мотива?

Давать ответ пока рановато, тем более что криминалистическая психология не в компетенции Билье. Ее поле деятельности – это объективные факты, которые можно пощупать, оценить и предъявить.

– Унесите тело, – распорядилась она и вдруг жестом остановила сотрудников.

В последний момент она заметила темное пятно на среднем пальце левой руки жертвы. Она нагнулась и внимательно изучила его. Оказалось, это чернила.

– Тщательно оберните ему руки, – распорядилась Билье.

Она искала глазами ручку, оставившую след на пальце мужчины. Говорить перед смертью он не мог. Но он что-то писал.

Глава 9

Вторник, конец дня

Кулинарные таланты Мартена оставляли желать лучшего, однако в его квартале имелись хорошие магазины готовых блюд. “Фирменные” рецепты Мартена сводились к шоколадному тарту, который представлял собой малосъедобный жесткий корж из порошка какао, сахара, яиц, сливочного масла и молотого миндаля. Он мог приготовить этот десерт за несколько минут.

Мартен отправился за салатом из креветок и грейпфрута, холодным жареным мясом, говядиной и свининой, горчицей с разными добавками, несколькими сортами сыра и ванильным мороженым для своего торта.

Он купил также пиво, легкое светлое и темное, две бутылки хорошего вина и дорогое розовое шампанское для девочек. Считалось, что они не должны употреблять алкоголь, однако Мартен где-то прочел, что шампанское в умеренных дозах беременным не противопоказано.

Он поймал себя на том, что напевает, пряча покупки в холодильник, выпил две бутылки пива и отправился, как обещал, за Марион, причем вышел на добрых полчаса раньше, чем нужно.

Когда Мартен поднялся из метро в нескольких шагах от редакции, он заметил ее на противоположной стороне улицы. Она не покидала редакцию, а, наоборот, входила в дверь в сопровождении симпатичного парня, своего ровесника. Держала его за руку и смеялась над какой-то шуткой. Они были такой красивой парой, что Мартен сказал себе, что ему тут делать нечего.

Парень остановился на пороге, а Марион поднялась на одну ступеньку и легонько чмокнула его в губы.

Подняв голову, она заметила Мартена и радостно помахала ему, ничуть не смущаясь.

Он пересек улицу и подошел к ним.

И сразу же узнал мужчину. Это был художник, точнее, скульптор, вечный друг Марион, “мой брат по духу”, как она говорила. Марион утверждала, что никогда с ним не спала. “О таком и подумать невозможно. Все равно что инцест”. Когда у нее случались серьезные переживания, она, начиная с подросткового возраста, всегда мчалась к нему. И он поступал так же. Странный симбиоз, который не вызывал у Мартена никакой ревности. Ну, или совсем легкую, если он давал себе труд подумать об их отношениях.

Мартен пожал руку мужчине, которого звали Франсуа, и заметил, что тот как-то странно на него смотрит. Хотелось бы знать, что Марион ему рассказала, подумал Мартен, однако Франсуа не дал ему задержаться на этой мысли.

– Вы похудели. Лицо стало очень интересным, – заявил он.

– Спасибо за комплимент.

– Я бы с удовольствием вылепил вашу голову или бюст когда-нибудь, когда у вас найдется время.

Первым побуждением Мартена было послать его куда подальше, но поскольку особых дел у него не предвиделось, он подумал, что несколько часов, проведенных с “братом Марион по духу”, нельзя считать потерянными.

– Отлично, – ответил он. – А когда?

Марион смотрела на него округлившимися глазами, ей и в голову не приходило, что он может согласиться, и Мартен понял, что особой радости по этому поводу она не испытывает.

– Приходите сегодня к нам на ужин, – продолжил он. – Еды хватит на четверых.

Он ошарашил Марион второй раз всего за минуту.

- Франсуа, возможно, занят, – предположила она.
- Нет, я собирался встретиться с подругой, но она отменила свидание.
- Он с ней вот-вот расстанется, – пояснила Марион какое-то время спустя. – Как странно, что ты пригласил Франсуа на ужин. Я думала, ты его недолюбливаешь.
- Всякий может ошибаться, – парировал Мартен.

Вторник, ранний вечер

Оливье вернулся в офис с листочком из блокнота в руках.

- Я нашел пару-тройку вещей, которые тебя, возможно, заинтересуют, – сообщил он Жаннетте. – Места, где могут быть списки частных детективов. Существует СНСП-АРП, профсоюз частных детективов; “Франс-Детектив”, международная ассоциация франкоговорящих детективов. А еще ОДФ, что-то вроде гильдии детективов Франции. Не знаю, что это такое. В интернете есть справочник детективов Voil?. И НКДСП, Национальная конфедерация детективов и расследователей...

- Ты уже начал их обзванивать?

- Да, но по телефону ничего не добиться, нам же неизвестно имя жертвы. Придется побегать, показывая им фото.

Жаннетта ненавидела эту его манеру тщательно разъяснять ей совершенно очевидные вещи. Явное желание унижить ее.

- Что ж, приступим.

Он с ужасом посмотрел на нее:

- Может, попросим подкрепления?

– За то время, пока нам дадут стажера, мы успеем посетить половину адресов. Покажи мне список.

Оливье протянул ей листок. Она сложила его пополам, разрежала и вернула половинку Оливье:

– Позвоню тебе через два часа.

Она положила служебное оружие в кобуру, надела куртку, поверх нее плащ, обернула шею и плечи большим кашемировым шарфом розового цвета (после нападения стала мерзнуть). Взяла несколько фотографий, свою половину листка и вышла.

Вообще-то рекомендовалось работать вдвоем, но у нее не было настроения терпеть Оливье три часа кряду, тем более что он не мог удержаться от курения в машине.

Садясь за руль, она поймала себя на том, что произнесла вслух: “Мне не хватает Мартена”. Черт возьми, я схожу с ума, подумала она. И тем не менее это было правдой. Ей его не хватало, причем не только потому, что пришлось в одиночку выйти на передний план и продвигаться в тумане. Ей не хватало Мартена еще и потому, что его не было рядом.

Но я же не влюблена в своего шефа, сказала она себе, встраиваясь в поток автомобилей, для заместителя отца он слишком молод. Просто Мартен – это эталон. Она не принимала ни одного профессионального, а иногда и личного решения, мысленно не посоветовавшись с ним, регулярно вела с Марتنеном внутренний диалог, в котором пыталась свести с ним счеты. Тогда как в реальности их обмен мнениями чаще всего ограничивался необходимым минимумом слов.

Она попыталась объяснить это ощущение примитивной нехваткой нежности (мой муж свалил месяц назад) и секса (я не трахалась с самого лета), но прекрасно понимала, что все гораздо серьезнее. Что-то с ней происходит. Она никогда не думала о том, чтобы переспать с Мартененом. Сама по себе идея казалась ей нелепой. И неподобающей. И совершенно нереальной. И... черт побери.

Ужин, по мнению Мартена, оказался гораздо интереснее, чем ожидалось. Иза явно была равнодушна к Франсуа – Мартен достаточно хорошо знал свою дочь, чтобы заметить это, – и Франсуа платил ей тем же. Кто сказал, что беременным женщинам не хочется быть соблазнительными или соблазненными, подумал Мартен. Наверняка какой-нибудь мужчина.

Марион выглядела несколько напряженной, казалось, ситуация ее не устраивает. Пусть и “брат по духу”, но она явно ревновала.

Франсуа умен, и его приятно слушать. Пока он рассказывал довольно забавные профессиональные истории, Марион поглядывала на него с хмурым видом, хорошо знакомым Мартену. Она была раздражена и старалась этого не показать.

Впервые за долгое время Мартен почувствовал себя спокойно.

Он протянул руку и тихонечко погладил живот своей подруги. Она поглядела на него, взяла его руку и поднесла к своим губам.

Прилив счастья, вроде бы давно забытого, затопил грудь.

Франсуа часто поворачивался к нему, словно хотел узнать его мнение или ожидал моральной поддержки. Мартен смутно догадывался, что речь идет о взаимоотношениях мужчины и женщины, но был не в состоянии принять участие в обсуждении. Марион все больше нервничала, Франсуа продолжал разглагольствовать, а Иза слушала его с непроницаемым видом. Это выражение лица тоже было хорошо известно Мартену, и он с трудом удержался, чтобы не предупредить Франсуа: тому стоит быть осторожнее.

Но в конце концов, у каждого поколения свой опыт, и женоненавистничество как прием соблазнения женщины я использовал задолго до тебя, приятель, подумал Мартен, окончательно отвлекаясь от разговора. Его мысли переключились на убийство на набережной. Почему он подумал о сыщике? Что такого сказала Жаннетта? Или это было некое интуитивное озарение, вызванное каким-то воспоминанием из его обширной профессиональной практики?

И еще холодная жестокость. Задержаться на месте преступления, чтобы извлечь пулю из тела. Он с таким никогда не сталкивался. В тысячу раз безопаснее

использовать какое-нибудь неопознаваемое оружие, а потом избавиться от него. Он подумал о классификации криминолога Лорана Монте.

Преступник – преступница? – увлекает свою жертву из зоны высокого риска в зону низкого. Если убийца действительно женщина, то вся ситуация представляется очень рискованной, даже крайне рискованной. Действия убийцы указывали на то, что она (или все-таки он?) обладает недюжинной решимостью и организованностью, к которым добавляется щепотка непринужденности и, можно сказать, своеобразного юмора. Оставить специально для сыщиков четкие отпечатки своей спортивной обуви – явная провокация, а не следствие забывчивости. Человек, вынимающий пулю из тела своей жертвы, не забывает стереть отпечатки подметок.

Это явно не первое ее убийство. И не последнее. Что, впрочем, не дает никаких подсказок относительно мотива.

Я готов, неожиданно осознал Мартен.

– Завтра выхожу на работу, – объявил Мартен, ни к кому конкретно не обращаясь.

Девушки, увлеченные Франсуа, не обратили на его слова никакого внимания.

Он поднялся и начал убирать тарелки, чтобы подать десерт.

В какой-то момент Мартен почувствовал ужасную усталость.

– Не обращайтесь на меня внимание. Пойду прилягу...

Марион сразу же вскочила.

– Я тоже, – сказала она.

Она взглянула на Изу и Франсуа, ожидая, что и они выйдут из-за стола, но Иза молча посмотрела на нее взглядом сфинкса, а Франсуа взял ее руку и поцеловал кончики пальцев.

– Спокойной ночи, – пожелал он.

Марион улыбнулась, чмокнула их и последовала за Мартеном.

– Не знаю, нравится ли мне это, – сказала она.

Мартен подождал продолжения.

– Ты не ревнуешь из-за того, что я ревную?

– Да, немножко.

– Я тебя люблю, – произнесла она.

Когда они легли, он обнял ее. Большой живот мешал. Он погладил ее грудь. Она немного выгнулась и положила руки ему на плечи.

– Прекрати немедленно или уж иди до конца, – прошептала она, закрывая глаза.

– Давай попробуем, – ответил он.

Глава 10

Утро среды

Короткий и яркий сон разбудил его еще до будильника: он снова увидел свою первую жену перед аварией. Она смотрела на него, собираясь сесть в машину. Он знал, что случится вскоре, и не мог пошевелиться.

Мартен вскочил с бьющимся сердцем, во рту было сухо. Он понял, что в этом коротком сне зашифрован вопрос. Как защитить тех, кого любишь, от неожиданных ударов судьбы?

Ответ, извлеченный из преподанного Мириам урока: нужно делать все, что можешь, а можем мы крайне мало. Бремя жизни должно быть разделено между всеми, и тот, кто отказывается его нести, не заслуживает уважения. А именно так он поступал в последние несколько месяцев.

Место рядом с ним было чуть теплым. Марион встала гораздо раньше.

Он вспомнил вчерашние объятия и ощутил прилив нежности. Сладость ее поцелуев. Он опасался причинить ей боль, и она посмеялась над его страхами.

– Я беременна, а не больна.

Он поцеловал ее растянувшийся пупок, потом спустился ниже, зарывшись лицом в густые волосы. Она обхватила ногами его шею.

Когда он поднял голову, она сжала ладонями его лицо.

– Я так боялась, – прошептала она.

– Все позади, я вылечился.

Она хихикнула:

– Я не о твоём ранении, такие, как ты, всегда выкарабкиваются. Я боялась, что ты меня разлюбил.

Как Мартен и предполагал, у него болело все – от плеч до щиколоток. А завтра будет еще хуже. Но он чувствовал, как оживает тело. Сила где-то пряталась, но она никуда не делась.

Он открыл шкаф и выбрал одежду, в которой пойдет на работу.

Потом оглядел себя в зеркале с ног до головы. Плечи пиджака, ставшего слишком широким, некрасиво провисли. Он снял его и натянул свитер, чтобы придать торсу больший объем. Так лучше, но если он быстро не наберет вес,

придется обновлять гардероб, впрочем, следует признать, не слишком обширный.

Он вошел в кухню. Иза и Марион смотрели на него с комичным изумлением. Франсуа не было, и по выражению лица дочери Мартен не смог угадать, провели ли они ночь вместе. Ему казалось, что скорее нет. Если бы что-то было, скорее уж Иза пошла бы к Франсуа, а не наоборот.

– Куда это ты собрался в таком виде? – поинтересовалась Марион. – У тебя свидание?

– Не на работу же? – Иза выдвинула гораздо более правдоподобную версию.

– Вот именно.

– Мог бы и предупредить, – обиделась Марион.

– Я вам еще вчера вечером сказал, но вы никого не слушали, кроме Франсуа.

– Это нечестно, – возразила Марион.

Иза покраснела, но ничего не сказала.

– Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь? – не желала отступить Марион.

– Нет, – ответил он, – я ни в чем не уверен, но если я прямо сейчас туда не пойду, то рискую остаться дома до самой смерти.

Его заявление было встречено молчанием.

Он уселся между ними, налил себе кофе и выпил одним глотком.

Уже вставая из-за стола, взял тост с тарелки Марион.

– До вечера, девочки.

Поцеловал Изу, по их давней традиции, в кончик носа, а Марион в губы.

Она крепко обняла его.

– Я тебя люблю. – Марион прижалась губами к его губам и к шее, потом потянулась к уху. – Они не спали, – шепнула она.

– Я знаю, – ответил он. – Это Мириам научила Изу, что нельзя ложиться в постель в первый вечер. И никогда – в родительском доме.

Он легонько шлепнул ее и вышел.

До возвращения в контору Мартену нужно было сделать кое-что важное.

Он зашел в цветочный магазин и купил два букета “своим девочкам”. Тридцать одну красную розу для Изы и столько же для Марион. С записками “Я тебя люблю и думаю только о тебе” (Марион) и “Я люблю тебя, доченька” (Изе).

Он распорядился, чтобы их отправили домой, и купил еще один букет, тоже красные розы, которые унес с собой. Он выписал чек на ощутимую сумму, что никак не повлияло на презрительный взгляд, которым его одарила продавщица.

С букетом в руках Мартен отправился в агентство, где работала Мириам, и попросил сказать ей, что он пришел. Ему повезло, она оказалась на месте.

Мириам сидела на столе из палисандрового дерева, болтая ногами, похлопывая задниками босоножек по пяткам, и внимательно вглядывалась в толстую папку с фотографиями.

– Положи досье рядом, – бросила она, не поднимая головы.

Мартен промолчал, он просто стоял и любовался ею. К прямой короткой юбке она надела маленькую блузку из темно-серого шелка с глубоким вырезом, открывавшим шею и изгиб мускулистой спины. Мириам была невысокого роста, с широкими плечами и узкой талией спортсменки, что не лишало ее ни

грациозности, ни женственности. Если Марион была газелью с тонкими запястьями и щиколотками, с хрупкими конечностями (изрядно беременной газелью, впрочем), то Мириам представляла собой воплощение грации и силы, порой взрывоопасной. Ей уже перевалило за сорок, но пока возраст был практически не заметен, разве что в уголках глаз и губ.

Почувствовав молчание и неподвижность вошедшего, Мириам подняла голову и застыла.

Так она и разглядывала их обоих, Мартена и букет, и лицо ее ничего не выражало. Мириам перестала болтать ногами, а если бы Мартену пришло в голову посчитать ее пульс, он поразился бы, как колотится сердце. Под глазами у нее пролегли черные круги. Она слишком много работала. Мартен не знал, что после визита к нему Мириам практически не сомкнула глаз.

Сейчас был один из редких случаев в жизни Мириам, когда она пребывала в растерянности, не зная ни что сказать, ни что сделать. Перед ней стоял такой Мартен, какого она давно не видела. Она не рискнула встать со стола, опасаясь, что подведут ноги.

– Скажи что-нибудь, а то я подумаю, будто ты меня не узнала. – Он поцеловал ее в щеку.

– С какой стати цветы?

Вот и все, что она сумела придумать.

– Сначала я хотел прислать их тебе с запиской, а потом решил, что лучше прийти и сказать то, что я планировал написать. Ну, ладно, берешь или нет?

Она взяла у него из рук цветы и положила на свою папку. Потом ухватила Мартена за лацканы пальто и притянула к себе, раздвинув колени.

Мартен крепко обнял ее, и они на мгновение застыли, прижавшись друг к другу.

За спиной Мартена распахнулась дверь, Мириам высвободилась из объятий только для того, чтобы сказать вошедшему “Проваливай!”, и дверь тут же

захлопнулась. И снова наступила тишина.

В конце концов Мартен высвободился и поцеловал Мириам в лоб.

Она встала, отвернулась, но недостаточно быстро, и он успел заметить две дорожки потекшей туши у нее на щеках. Она быстро вышла и закрыла за собой дверь. Мартен вытер глаза и высморкался.

Мириам вернулась через пару минут с заново накрашенными ресницами и большой вазой, наполненной водой.

Сняла с роз упаковку и сунула их в вазу. Она никогда не умела толком управляться с букетами.

– Ну, ладно, все же скажу тебе то, ради чего пришел, – произнес Мартен.

– Ага, розы, чтобы подсластить пилюлю!

– Вот-вот.

Его улыбка стала шире.

– А можно я первая? – спросила она. – Мне тоже есть что тебе сказать.

Она прошла по кабинету, потом остановилась совсем рядом и подняла лицо, глядя ему прямо в глаза, чтобы не упустить ни одного нюанса его реакции.

– Когда я приходила к тебе, я была не я, а пустое место. Хуже, чем пустое место. Воплощение слабости и трусости. Я не верила в тебя. Подумала, что ты уже никогда не выберешься, что я не в состоянии тебе помочь. Я не верила и в себя тоже, но, главное, не верила в тебя. Это была самая дурацкая ошибка в моей жизни.

Она замолчала.

– Ты договорила?

– Да, теперь твоя очередь.

– С момента моего выхода из больницы все были добры ко мне. И не просто добры. Все всё понимали, сочувствовали. Проявляли снисходительность. И я начал проваливаться, потихоньку, все глубже и глубже, и не знал, когда и где смогу остановиться. Возможно, я ждал тебя, хотел, чтобы ты увидела, как мне плохо. А потом ты пришла и как-то странно посмотрела на меня... Так, словно я тебе противен... И мне кажется, я выкарабкался именно благодаря твоей реакции. Ну, то есть, точнее, всерьез стараюсь выкарабкаться. – Он взмахнул рукой в направлении букета: – Согласен, розы – несколько банальный способ все это высказать.

Мириам подумала, что есть способ получше. Она могла ничего не объяснять, Мартен и так догадался, что допустил оплошность. И ее взгляд, и гримаска были достаточно красноречивыми. Он мгновенно все понял.

– Будет лучше, если ты сейчас уйдешь.

Он кивнул и остался на месте, не в силах шевельнуться.

– Ты уйдешь прямо сейчас. Не то...

– Может, пойдем к тебе?

Она вздохнула, покачала головой, взглянула на часы и нажала на кнопку телефона.

– Жасмина, я уйду на встречу. Буду через... не знаю, может, вообще не вернусь, – сказала она, вешая трубку.

Позже, выйдя из дома Мириам на авеню Рапп, Мартен увидел удивительно красивую женщину. Такие встречи – не редкость, особенно в Париже, но гораздо больше, чем красота женщины, его поразила победительная пластика ее походки. Она напомнила ему Мириам. Нет, они не были похожи друг на друга, но он заметил некое сходство в их манере, и их окружала одинаковая аура. Он не удержался и оглянулся ей вслед.

Несмотря на боль во всем теле, он все же решил дойти пешком до здания уголовной полиции. Сворачивая за угол, Мартен машинально огляделся по сторонам – нормальная реакция сыщика, привыкшего контролировать окружение, в каком бы моральном и физическом состоянии он ни находился. Он опять заметил вдалеке незнакомку, которая стояла на месте, повернувшись к нему, и снова испытал мимолетное любопытство.

Но тут же забыл об этой женщине и снова стал думать о Мириам.

Мириам. Все произошло совсем не так, как он ожидал.

Во время поездки в ее “мини-купере” они почти не разговаривали. Она вела машину как обычно – на большой скорости и рывками. Несколько раз украдкой бросала на него быстрые взгляды. Что-то было не так. Мартен не знал, кто в этом виноват – он или она, а потом решил, что все-таки главным образом он.

Как только дверь закрылась, она не бросилась в его объятия, а странным образом повела себя как-то робко. Даже не рискнула дотронуться до него, и они так и застыли друг напротив друга, словно двое подростков, не до конца уверенных, чего же они все-таки хотят.

Первый шаг сделал Мартен. Он прижал ее к себе и нежно поцеловал в губы. Это был ласковый, почти братский поцелуй. В глубине души он знал, что уже принял решение, но пока не придумал, как ей об этом сказать.

Мириам жадно ответила на поцелуй, а потом сразу отстранилась.

– Все кончено, да?

– Нет, между нами ничего и никогда не кончится.

– Не надо жульничать, Мартен. Ты бы с удовольствием продолжал любить меня. Из чувства порядочности, верности, нежности... Но ты меня больше не любишь.

Мартен почувствовал себя некомфортно, оттого что Мириам видит его насквозь, но не признать ее правоту он не мог, и тут уж ничего не поделаешь. Он попытался робко протестовать.

Поняв, что он сейчас скажет, она приложила ладонь к его губам.

– Нет, сперва подумай как следует, а потом уж отвечай. А то ты скажешь, что по-прежнему любишь меня, просто чтобы доставить мне удовольствие. Но, клянусь, этого мне хочется меньше всего.

– Ну, тогда сама скажи, что ты хочешь от меня услышать. – В его голосе прозвучала нотка сарказма, о чем он немедленно пожалел.

Мириам нетерпеливо тряхнула волосами:

– Ты ждешь ребенка от Марион. И от этого не отмахнуться. К тому же у тебя нет никакого желания завязывать сложные отношения с другой женщиной, даже если это твоя бывшая жена. Для меня это очевидно, потому что я тебя знаю, Мартен. Ты едва не умер, а это заставляет взглянуть на вещи по-другому. Я думаю, ты всегда будешь любить меня, но – иначе.

– Не знаю, – возразил он, – для меня это как-то слишком сложно.

– Вот уж нет! Ты знаешь, что я права. Скажи, что все кончено. Скажи прямо сейчас, не тяни. Помоги мне освободиться от тебя.

Мартен ничего не ответил.

– Прошу тебя, любимый, – прошептала Мириам, – ну пожалуйста, дай и мне шанс снова начать жить. Признай правду и признайся в ней мне. Наш роман... Нет у него и не может быть никакого продолжения. Все кончено.

Она закрыла глаза и прошептала еще раз: “Прошу тебя”.

Мартен снова обнял ее, и на этот раз она не сопротивлялась.

– О, Мириам, – пробормотал он. – Как тебе удастся быть такой сильной?

– Я не сильная, – ответила она, зарывшись лицом в грудь Мартена. – А теперь уходи. Иди-иди, быстро. Уходи.

Она оттолкнула его, но продолжала за него цепляться.

Он почувствовал, как она шарит за его спиной, и услышал щелчок открывающегося замка. Она подняла на него полные слез глаза и поцеловала в последний раз. Потом вытолкнула на площадку и захлопнула дверь.

Мартен в растерянности застыл перед закрытой дверью.

Итак, все кончено. Надолго ли? Навсегда?

Она дала ему возможность протестовать, отказываться, отрицать. Он этого не сделал. Она права.

Марион... Невозможность для Мириам родить ребенка – еще одна несправедливость, которая тем не менее ничего не меняет по существу. Его подруга – это Марион.

Глава 11

Утро среды

Тело Жюли Родез обнаружила приходящая прислуга, явившись на работу в дом 22 по улице Анатоля Франса в Коломбе, ближайшем северо-западном пригороде Парижа.

Поэтому на место преступления прибыла не парижская бригада уголовного розыска, а служба региональной уголовной полиции департамента О-де-Сен.

Уголовная полиция департамента находилась на улице Анри Барбюса в Нантере и не имела ничего общего с одноименной улицей в Коломбе, рядом с авеню Анатоля Франса (которая, в свою очередь, не имела ничего общего с одноименной авеню в Нантере).

Расстояние между местным угрозыском и адресом жертвы не превышало шести километров, если проехать три с половиной километра по скоростному шоссе А86, однако средняя скорость на нем едва достигала шести километров в час, вне зависимости от наличия на машине маячка, и полицейские появились через добрых полчаса, что, впрочем, не могло уже повлиять на судьбу жертвы.

Эксперты прибыли, в свою очередь, через полтора часа и начали работу в отвратительном настроении, готовые сцепиться с коллегами из уголовки из-за малейшего замечания.

Потом электричество, которым был насыщен воздух, понемногу рассеялось, и место преступления накрыла вполне профессиональная тишина. Всем было чем заняться.

Жюли Родез ударили ножом не менее двадцати раз – спереди и сзади, а также по ногам. Ни одна из нанесенных ран сама по себе не могла оказаться смертельной, но в конце концов не выдержало сердце. Все это напоминало не лихорадочную атаку безумца в состоянии аффекта, а тщательно просчитанные удары, ни один из которых не должен задеть жизненно важные органы или крупную артерию.

Тело лежало на кровати, обнаженное, руки и ноги были привязаны к четырем ножкам. Сделали множество снимков – разными объективами и в разных ракурсах, их записали на диск для банка данных. Несмотря на положение тела и отсутствие одежды, ничто не говорило о сексуальной агрессии как до, так и после смерти.

Решающий элемент расследования, пока не догадывающийся о своем статусе, тем временем неторопливо приближался к месту преступления с дорожной сумкой через плечо, чтобы в ужасе застыть на пороге дома, взятого в плотное кольцо автомобилей и наводненного целой армией полицейских.

Женщину не пропустили даже после того, как она назвала себя. Через какое-то время к ней все же подошел офицер и спросил, что ей нужно.

Она живет здесь, это ее официальное место жительства, и она требует, чтобы ее пропустили в дом. Она предъявила документы, испытывая нарастающее

беспокойство. Изучая бумаги, лейтенант полиции размышлял о том, что стоящая перед ним худая брюнетка странным образом напоминает ему женщину, которую он видел наверху в спальне.

– Давайте отойдем, – предложил он.

Она замотала головой, постепенно приходя в ярость.

– Я хочу вернуться домой.

– Это невозможно, – сказал он.

– Хотя бы объясните почему.

В этот момент домработница вышла из домика напротив, где с ней поговорили и накачали успокоительными. При виде той, что только что пришла, она вытаращила глаза и упала в обморок, причем сопровождавшая ее женщина в полицейской форме даже не успела среагировать.

И в этот самый момент женщина окончательно поняла, что в ее доме произошло нечто ужасное.

– Моя сестра, – проговорила она внезапно севшим голосом. – Что-то случилось с моей сестрой.

– Вы сестра Жюли Родез?

– Ян есть Жюли Родез! Именно это я битый час пытаюсь вам сообщить, – сказала она, вновь частично обретая былую агрессивность, несмотря на страх, скрутивший нутро. – Что с моей сестрой?

– Сожалею, мадам. Она скончалась.

– Нет! Я хочу ее увидеть!

– Увидите. Но только попозже.

Она попыталась обойти его, но он твердо остановил ее и увел в кафе за углом, которое служило полицейским временным штабом.

Офицер усадил ее спиной к окну, чтобы она не увидела, как тело переносят в фургон, который только что подъехал и припарковался чуть в стороне от входа.

Он заказал ей коньяк и устроился напротив.

– Что произошло? – спросила она, немного успокоившись. – Пожалуйста, я должна знать.

– Вашу сестру убили. Больше я ничего не могу вам сказать. Нам понадобятся ваши показания.

– Жертвой должна была стать я? – предположила женщина. – Это же мой дом!

Полицейский удивленно взглянул на нее. Кто мог так ненавидеть эту женщину лет сорока, совершенно безобидную на первый взгляд и наверняка не очень богатую и счастливую, чтобы буквально изрешетить ее ударами ножа?

– Вам известны люди, которые достаточно ненавидят вас, чтобы убить?

– Нет, конечно нет. Но мы с сестрой очень похожи, несмотря на то что она на шесть лет старше. А вчера днем она решила воспользоваться моей поездкой в Коррез – я агент по продаже промышленных чистящих средств – и пожить здесь пару дней: у нее в доме ремонтируют электропроводку.

– Она приехала без предупреждения?

– Почему же? Она позвонила мне на мобильный. Ей известно, где я прячу ключи, так что она просто вошла в дом. А они подумали, что она – это я. По-другому не объяснишь.

Вдруг она замолчала и задохнулась. Смысл сказанного в полной мере дошел до нее. Ее сестра умерла. Вместо нее. Страх, вина, стыд – и скрытая, позорная радость от того, что она все еще жива, хотя должна была умереть, лишили ее дара речи. Из глаз брызнули крупные слезы.

Она отказалась от коньяка, который ей протянул полицейский. Всхлипнула и заткнула рот кулаком, впившись зубами в побелевшие суставы.

Он подождал пару минут, и она в конце концов успокоилась.

– Вы должны помочь нам выяснить, кто это сделал.

– Она много лет уговаривала меня переехать. Обстановка здесь все хуже и хуже, на меня уже дважды нападали вечером, когда я возвращалась с работы.

– Вы подавали заявление?

– В первый раз да, во второй – нет. Она мучилась?

Он колебался на секунду дольше, чем требовалось, и она все поняла.

– Ее пытались заставить говорить, да? Так они делают, чтобы узнать, где спрятаны деньги и драгоценности. Но у меня нет ни того ни другого. Мерзавцы, мерзавцы...

– Если не считать этих двух нападений, у вас есть враги?

Она покачала головой:

– Я ненавижу нашу начальницу отдела продаж, но не настолько, чтобы убить ее. Это у нас взаимно. Никто другой мне на ум не приходит.

В ее глазах что-то промелькнуло, как будто какая-то смутная догадка. Он подождал, но она продолжала молчать, а потом повторила:

– Никто другой на ум не приходит.

На этот раз у него появилась уверенность, что она солгала.

Он был хорошим сыщиком. Знал, когда нужно надавить, а когда лучше обойти препятствие. Женщина не могла быть сообщницей убийцы или убийц своей сестры. Маловероятно даже, что она старается скрыть информацию, которая может иметь отношение к преступлению. Не позвать ли коллегу-женщину, чтобы та ее разговорила? Но проблема в том, что таковой поблизости не имелось.

– Знаете, мадам, – мягко произнес он, – я здесь для того, чтобы найти того или тех, кто... убил вашу сестру. Возможно, вам известно нечто такое, что наведет нас на след убийц... даже если вам кажется, что это не имеет никакого отношения к случившемуся. Коли так, заклинаю вас, скажите мне, даже если почему-либо стесняетесь.

– Если это связано с... связано с тем, что случилось, мне этого не вынести, – прошептала она.

Он с понимающим видом покивал, словно бы догадывался, о чем она хочет ему сообщить, хотя это абсолютно не соответствовало действительности.

В юности у Жюли Родез был роман. Родители воспротивились и сделали все, чтобы разлучить ее с любимым. В последнее время она часто вспоминала его. У нее были связи, но замуж она не вышла и постепенно убедила себя в том, что тот парень – единственная настоящая любовь в ее жизни.

Она захотела увидеться с ним, искала по интернету, но безрезультатно. Тогда она обратилась за помощью к некоему Жюльену Дюперье, частному сыщику.

– Он что-нибудь нашел?

Она робко кивнула:

– У меня есть имя и адрес. Он живет в Париже. Но мне пока не хватило смелости ни позвонить, ни написать.

– Дайте мне его координаты.

– Зачем?

Он не ответил, но слегка приподнял брови.

– Тут не может быть никакой связи, это невозможно, – слабо запротестовала она.

Он вынул блокнот и стал ждать.

– Его зовут Эрве Робик.

Два часа спустя сотрудники уголовной полиции допросили Эрве Робика в его собственном кабинете. Он работал в страховой компании и был дважды разведенным отцом двоих детей. В момент преступления он участвовал в корпоративном семинаре вместе с восьмьюдесятью коллегами из своей конторы. К тому же у него отсутствовал мотив для убийства сестры женщины, которую он не видел более двадцати лет. Тупик.

Оставался только след, связанный с частным детективом.

Полицейский попытался дозвониться, но безрезультатно, и отправился к нему в офис. Никто не ответил на звонок, и он решил, что есть все основания для вызова слесаря.

Офис оказался перевернут вверх дном и обыскан с немыслимой тщательностью. Не оставалось ни одного нетронутого предмета.

Консьержка, присутствовавшая понятой при обыске, от ужаса лишилась дара речи.

– И никто ничего не слышал, – с сомнением произнесла она через несколько секунд. – Как же это, черт возьми, возможно?

Компьютер марки Mac Powerbook G3 пятилетнего возраста был раскурочен, а жесткий диск унесли.

Разгрома избежал только сейф. В нем лежал документ на право владения данным офисом, триста евро в купюрах по пятьдесят и по двадцать, ручное оружие, девятимиллиметровый автоматический “глок”, картонная коробка с

патронами к нему и футляр от цифрового фотоаппарата с высоким разрешением.

Среди бумаг детектива не нашли ничего, связанного с Жюли Родез, однако разгромленный офис наполнял смыслом это подобие следа.

Консьержка не видела Дюперье с прошлой недели, с утра то ли четверга, то ли пятницы.

Он сразу же был объявлен в розыск, но полицейские подозревали, что вряд ли найдут сыщика живым. После того, что сделали с его офисом и с сестрой его клиентки, такой исход представлялся маловероятным.

Глава 12

Среда, вторая половина дня

По воле случая Мартен пришел на службу за несколько минут до Жаннетты. Ни она, ни Оливье, все еще занятый поисками, не нашли ничего интересного в профессиональных организациях частных детективов: в их картотеках отсутствовали фотографии, что, впрочем, было логично. Ни один частный сыщик, за исключением, возможно, нескольких персонажей, растиражированных СМИ в рамках одного из тянущих на сенсацию дел, не горел желанием оставлять свое лицо в картотеке, имевшейся практически в открытом доступе.

Жаннетта вошла в кабинет, не постучавшись, поскольку не рассчитывала на присутствие Мартена, и испытала одновременно удивление, радость, облегчение – а заодно нечто похожее на разочарование.

Мартен выглядел совсем по-другому, чем в их последнюю встречу.

Перед ним на столе лежало открытое досье убийства на берегу Сены.

Он казался отдохнувшим, с более ясным взглядом, цивильный наряд болтался на его похудевшей фигуре, сброшенные килограммы сделали его почти

элегантным, а нижняя половина лица стала более четко очерченной. Она удивилась, почему не заметила всего этого, когда приходила к нему в гости.

– Извини, – произнес он, поднимаясь из-за стола и направляясь к ней. – Нужно было тебя предупредить. Я снова вышел на службу.

– А ты имеешь право?

– Да, я был в отделе персонала. Они уладят все формальности.

– Это я прошу прощения, – сказала она, – за то, что захватила твой кабинет... Просто он с окном. Сейчас же перенесу свои вещи.

– Не торопись. Если тебе не нравится, что мы будем вкалывать вместе, никаких проблем. Я переговорю с начальством.

– А что случилось? С чего ты взял?

– Ты привыкла принимать решения самостоятельно, без меня. Уверен, это у тебя получается. Сложно возвращаться на исходные позиции.

– Я воспользовалась твоей идеей, – произнесла она, избегая прямого ответа. – Мы взяли в разработку частных детективов.

– Частные детективы... Ну да, не так уж глупо. Полицейские – как страсбургские сосиски, чаще всего работают парами, а наша жертва явно вела слежку в одиночку. Ты что-то нарыла?

– Нет, пока ничего. Оливье еще не вернулся. Мы просматриваем картотеки профессиональных организаций.

Он сморщился от боли, присев на угол стола.

– Я вчера ходил в качалку. Тихий ужас. Частный сыщик... Это открывает широкие перспективы. Шантаж, например...

– Месть, экономический шпионаж. И далее по списку.

– Ты права. Пока нам больше ничего не известно, возможностей слишком много. И почерк преступника необычный. А что говорит Билье?

– Пока она говорит очень мало.

– Что будем делать?

Жаннетта пожала плечами. Всякий раз, глядя на Мартена, она была не в состоянии абстрагироваться от багрового рубца поперек его горла.

Зазвонил телефон.

Мартен поискал на ощупь трубку там, куда обычно клал ее, но нашел не сразу. Жаннетта положила ее с другой стороны.

– Да, я вернулся, – произнес он. – Да, все в порядке. Спасибо. До скорого. И так будет весь день, – добавил он, отключившись.

Телефон зазвонил снова.

– Пойдем прогуляемся.

Жаннетта кивнула.

Уличный шум снова оглушил его, но это не было неприятно. Он вдруг почувствовал, что возвращается в человеческое сообщество, в этот сложный и бестолковый конгломерат, который тем не менее функционировал более или менее организованно и неотъемлемой частью которого являлся он сам.

Стояла холодная и сухая погода. Заметив, что Жаннетта дрожит, он увлек ее в кафе.

Мартен разглядывал ее, и она почувствовала, что краснеет. Никогда он не смотрел на нее так. Не как на сотрудницу – бесполой, но довольно полезный и эффективный придаток, – а как на женщину.

– Со мной что-то не так? – спросила она более агрессивно, чем хотела.

– Все в порядке. Извини. Просто... Ты изменилась.

– Ты тоже.

– Возможно, я постепенно становлюсь собой, – предположил он. – Возвращаюсь на свое место.

Она подождала продолжения, но его не последовало. Впрочем, для Мартена сказано и так слишком много. Столько он никогда раньше не говорил. Он действительно изменился.

А следующая реплика была уже вполне в духе прежнего Мартена:

– Извини, мы пришли сюда не за тем.

Зазвонил мобильник Жаннетты. Оливье.

Она слушала молча, но Мартен заметил, как сузились ее глаза и участилось дыхание. Сообщение было важным.

Жаннетта отложила телефон и посмотрела на него заблестевшими глазами.

– Расследуя убийство, совершенное прошлой ночью в пригороде с особой жестокостью, уголовная полиция департамента О-де-Сен выяснила, что с делом тесно связан частный детектив. Они отправились в его офис. Он оказался разгромленным, а самого сыщика найти не удалось. Судя по описанию, это может быть жертва с берега Сены.

Мартен понимающе покачал головой:

– Частный сыщик. Ты была права.

Она улыбнулась:

– Это твоя идея. Полицейские редко следят за кем-то в одиночку.

Мартен отвел глаза, и Жаннетта тут же догадалась, каким будет следующий вопрос.

– Позвоню Билье, – сказала она. – Пусть оценит, есть ли сходство между обоими убийствами.

Мартен внимательно посмотрел на нее.

– Не знаю, нравится ли мне это, – произнес он.

– Ты о чем?

– О том, что тебе известно, что я скажу, еще до того, как я открою рот.

– Извини, шеф.

– Наверняка между двумя убийствами нет очевидного сходства. Иначе Билье уже поставила бы нас в известность. Давай лучше пойдем к ней. Хочу увидеть выражение ее лица, когда мы спросим, убиты ли обе жертвы одним и тем же человеком.

Жаннетта поняла, что он имеет в виду. Билье слишком уважала логику, чтобы доверять чистой интуиции, но по ее лицу Мартен сразу заметит, не поразило ли ее нечто такое, что она не включит в официальное заключение. И тогда будет проще уговорить Билье поделиться своими ощущениями.

Среда, вторая половина дня

Она была раздавлена непомерностью стоящей перед ней задачи. Что-то подсказывало ей, что она никогда не выберется из этого. Слишком многое зависело от случая. У нее перед глазами возник отец с кнутом в руках.

– Ты сможешь, – сказал он. – Ты сделаешь это. Щелкнул кнут, лошадь заржала, она почувствовала, как по тонким ногам потекла моча, но продолжала двигаться вперед. Потому что знала: если кнут щелкнет снова, то на этот раз не по крупу животного, а по ее спине, по рукам и ногам.

Она не могла заставить лошадь сдвинуться с места, потому что та повиновалась только своему хозяину. И он это знал.

Она вычеркнула второе имя из списка и начала разрабатывать план для следующего.

Стефан Олье, ул. Шалиньи, 15, Париж 75012

Эмерик Танги-Фрост, ул. Алле, 21, Париж 75014

Жорж Форье, тупик Гетэ, 8, Париж 75014

Ален Карьеф, Вилла Моне, 19, Париж 75019

Катрин Амар-Фюзен, ул. Круа-Нивер, 82, Париж 75015

Элуа Вилкевиц, ул. Розье, 12, Париж 75004

Вальдек Мирманс, ул. Рейнуар, 12, Париж 75016

Стефани Маллори, аллея Руа, 1, Сен-Жермен-ан-Лэ 78

Жак Фаильоли, площадь Орлож, 33, Лион 69000.

Только бы человеком, нанявшим детектива для слежки за ней, оказался этот Стефан Олье. Она никогда не встречалась с ним, но уже ненавидела. Если это он, то, допросив и убив его, она наконец-то сможет отдохнуть. Кто он такой? На первый взгляд безобидный незнакомец, их пути никогда не пересекались, и он ничего для нее не значил.

Она обхватила голову руками, почувствовав головокружение. Где? Когда? Где и когда она совершила ужасную ошибку, которую сейчас пытается смыть кровью? Глубокий стон вырвался из груди. Хотелось завопить, но это было невозможно. Не сейчас, не здесь.

Она нажала большими пальцами на шейные артерии и почувствовала легкое головокружение. Нажала сильнее, и окружающий мир стал мягким, ватным, дыхание выровнялось, веки отяжелели, биение сердца замедлилось, словно взмахи крыльев у бабочки, попавшей в ловушку. Она опустила руки, прекращая давление, но белая ватная пелена еще держалась несколько секунд перед глазами, пока не исчезла, будто унесенная невидимым и неосязаемым ветром.

Несколько минут она сохраняла неподвижность, потом осторожно поднялась, чувствуя, какими тяжелыми стали конечности. Сердце вернуло себе обычный ритм.

Стефан Олье. Ее задача на сегодняшний день. И не надо больше ни о чем думать.

Кнут щелкнул. Давай, девочка, ты справишься.

Среда, вторая половина дня

– Никакого сходства, – сказала Билье. – Ни по способу совершения убийства, ни по обстановке. Тем более что...

Она замолчала.

– Тем более что? – спросил Мартен.

– Не знаю... Достали вы меня своими вопросами. Может, лучше обратитесь к гуру или шаману? Я ученый, а не ворожея.

– Кто бы спорил?! А что ты собиралась сказать?

Билье помотала головой, злясь на саму себя.

– Было еще одно убийство. Там жертве практически срезали голову струной. И я не знаю, почему...

Слова с трудом срывались с ее губ, но Мартен и Жаннетта поостереглись подсказывать.

– То же самое зверство и та же ледяная ярость, как в первом и третьем. Но при этом совершенно другой способ убийства.

– Странно, – заметила Жаннетта.

– Что именно? – почти агрессивно уточнила Билье.

Жаннетта бросила на Мартена взгляд, молящий о помощи. Он понял, что она имела в виду.

– Ты так говоришь о разнице в способе убийства, словно это еще один сходный элемент, – прокомментировал он.

– Именно. Похоже, я сошла с ума. Зверство, тщательность и полное отсутствие следов – вот вам три общих признака.

– А результаты проверки слюны? Уже есть? – спросила Жаннетта.

– Нет там никакой слюны. Это изо рта у нашего сотрудника капнуло. Сожалею.

Жаннетта постаралась скрыть разочарование.

– Случается, – заметил Мартен.

– Только не у меня, – отрезала Билье. – Буду требовать его перевода.

Она помолчала, явно пытаясь максимально точно сформулировать мысль.

– Все выглядит так, как если бы мы имели дело с убийцей, который старается максимально усложнить свою задачу, совершая всякое новое убийство способом, как можно больше отличающимся от предыдущих, – произнесла она в конце концов. – То, что происходит, противоречит всему, что я до сих пор видела.

– Этому можно найти объяснение, – высказала мнение Жаннетта. – Если убийца один и тот же, он специально действует так, чтобы нам не пришло в голову связать преступления между собой.

– Не исключено. Но это требует огромных затрат энергии и предполагает столь же громадный риск.

Билье захромала по своей заставленной приборами лаборатории. Мартен никогда не видел ее такой взволнованной. Она нетерпеливо смахнула упавшую на лоб рыжую прядь.

– Убийцы-рецидивисты никогда не меняют почерк. Единожды прибегнув к орудию убийства, они от раза к разу совершенствуют его применение, потому что это наилучший способ избежать поимки. Ваш убийца – если это

действительно один и тот же человек – выбрал прямо противоположный вариант. И он не боится умножать риски.

– А это означает, – пришел к выводу Мартен, – что единственный способ остановить его – понять мотив.

– А также что мы – в самом начале серии и наш преступник будет убивать, пока не получит то, чего хочет. А с учетом упорства, которое убийца демонстрировал до сих пор, маловероятно, чтобы он или она вдруг начали делать ошибки.

– Но у нас все-таки есть след подметок, – заметила Жаннетта.

– Да, – ответила Билье, – он или она носит новые кроссовки. Которые уже наверняка уничтожены. Суперулика.

Она только что призналась в собственном бессилии, и это было совершенно на нее не похоже. Жаннетта поморщилась. Ей не нравилось, что такой профессиональный и талантливый специалист, как Билье, проявляет пораженческие настроения. С точки зрения Мартена, поведение убийцы тоже противоречило всему, что подсказывал его опыт. Основная аксиома профессии гласила: убийца всегда прибегает к способу, который ему удался. Любые отклонения, вызванные чем угодно, кроме неожиданных обстоятельств, подвергают его дополнительному риску. Душитель душит, тот, кто перерезал горло, продолжает резать, убивший ножом хватается за нож... Мысль о преступнике, способном с таким талантом переходить от одного сложного способа убийства к другому, столь же хитроумному, сама по себе вызывала головокружение. Даже серийные убийцы придерживаются одного и того же метода, обставляя свои преступления определенными ритуалами, которые они постепенно совершенствуют – если им позволяют это сделать.

Их убийца представлял собой статистическую погрешность и одновременно извращение с точки зрения стереотипов человеческого поведения. Был кем-то вроде мутанта.

Обычно, изучая жертв, удается в конце концов понять мотив преступника. Что общего у детектива и двух других убитых?

И тут Мартен понял. Это же очевидно. И заодно объясняет упорное стремление преступника менять способы убийства. Две последние жертвы были клиентами этого частного сыщика.

У кого-то из тех, кто обратился к нему, наверняка имелось нечто такое... сокровище?.. тайна?.. И это нечто убийца хотел заполучить любой ценой. Чтобы оправдать такую жестокость, предметом смертоносной охоты должно было быть нечто жизненно важное, некая опасность, угрожающая самому существованию преступника.

Приоритетная задача – получить список клиентов сыщика. Но сделать это очень трудно, если вообще возможно. Единственный сохранившийся экземпляр должен сейчас находиться в руках убийцы. Это объясняло разгром в офисе и жилище Дюперье. Сколько человек в списке? Сколько еще будет убито? Он встретился взглядом с Жаннеттой... Она думала о том же.

– И все же он допустил большую ошибку, – заметил Мартен. – Перепутал жертву последнего преступления. Убил ее сестру. Главное, чтобы пресса об этом не пронюхала. И нужно обеспечить Жюли Родез круглосуточную охрану.

Глава 13

Вечер среды

Она вспоминала, шагая по улице навстречу будущей жертве. Маленький темный силуэт, весь в пластике, слабо поблескивающий в темноте. Не догадаться, кто это. Девушка? Юноша? Глазу не за что зацепиться, ни у кого не возникнет ни тени любопытства.

Она вспоминала.

Страшнее всего минута, когда она закончит чистить жеребца. Она тянет, как может, но знает, что когда-нибудь это все равно произойдет. Гигантский черный

силуэт отца обрисовывается в дверном проеме на фоне яркого света, и она должна будет остановиться и слушать его. Потому что он всегда сначала говорит, тихонечко постукивая рукояткой плетеного кнута по ноге, а потом уже занимается ею.

Она практически не различает его лица, разве что время от времени проблеск зубов или белков глаз. У него такие широкие плечи, что они практически перекрывают дверь. Он огромный, нечто вроде мощного сооружения в форме человека, способного в любой момент раздавить ее, словно насекомое.

В его присутствии она теряет способность двигаться по собственной воле. А вообще-то она миниатюрная, хрупкая и ловкая. Но маленькие и легкие ноги отказываются держать ее. Ей бы очень хотелось превратиться в крохотного клопа или муравья. Все в жизни так несправедливо.

Она встрепенулась, ощутив собственное прерывистое дыхание, постаралась удержать прошлое в глубине сознания, не дать ему всплыть на поверхность. Но именно в прошлом она черпала силу Сверкающий холодный свет ненависти должен наполнить ее до краев, и тогда хватит сил сделать то, что она должна.

Она восьмилетняя девочка. И ее каждодневная мука начинается, когда солнце спускается к горизонту. Существует незыблемый ритуал, и каждый шаг этого ритуала запечатлелся в ней – одновременно на коже и в самой глубине ее детского тела.

Она должна медленно подойти к нему, еще до того как он ее позовет, но не слишком рано. Если не подойти, это будет расценено как уклонение. И тогда...

Она обязательно должна улыбаться. И это самое трудное. Хотя худшее еще впереди. Нужно улыбаться, но при этом опустить ресницы. Забудешь, и он своими толстыми пальцами надавит прямо на открытые глаза. Она не забывала.

Вечер среды

По дороге домой Мартена преследовало ощущение, что он совершает ошибку, если не преступление. В этот самый момент некто готовит убийство или уже убивает, расправляясь с жертвой так же жестоко, как в предыдущие разы.

Где-то кто-то заплатит за то, что нанял частного детектива, чтобы следить за женой, шпионить за коллегой или конкурентом, – наказание, не соответствующее довольно безобидному поступку, пусть в нем и не хочется признаваться.

Несмотря на почти полное отсутствие результатов, день был длинным, по крайней мере для того, кто только вернулся в мир тружеников. Мелкие административные дела заняли уйму времени, и многие коллеги специально приходили, чтобы поприветствовать его. Мартен никогда не одобрял болтовню на службе, поэтому разговоры были краткими, однако минуты складывались с минутами, и в нем росло чувство бессилия и бесполезно растрчиваемого времени.

Присутствовала и грусть от утраты Мириам, и ощущение собственной бесполезности перед лицом необъятности задачи. Но, несмотря на все это, работа явно шла ему на пользу. За весь день его не посетило ни одно неприятное воспоминание. Он торопился к Марион и Изе.

Ему впервые пришло в голову, что, возможно, для них с Марион было бы лучше, если бы дочь переехала. Пусть для этого и придется подыскивать квартиру. Впрочем, идея смахивала скорее на утопию, по целому ряду причин. Стоимость аренды, в особенности маленьких квартир, настолько выросла, что Иза вряд ли может рассчитывать больше чем на студию в тридцать квадратных метров. Мартен не вправе навязывать дочери такие условия. Тем более что у нее вот-вот будет ребенок.

Возможно, лучше снять маленькую студию, где он бы время от времени уединялся. Уходил бы туда вечером, например. Но согласится ли Марион оставаться по ночам без него, чтобы возиться с младенцами вдвоем с Изой? Ответ на этот вопрос не вызывал сомнений.

Это и есть жизнь. Бесконечная череда проблем, которые по большей части как-то сами собой решаются. Или не решаются. Но случается и так, что решения словно выскакивают ниоткуда, когда их меньше всего ожидаешь. Мириам вылечила его от посттравматической депрессии одним взглядом, и в благодарность он ее бросил. Окончательно? О таком исходе не хотелось даже думать.

Он уже вышел на улицу, когда зазвонил мобильник.

– Мартен? Это Билье. Я почти уверена, что убийца – женщина, – сообщила она.

– Почему?

Она ответила не сразу. Он физически ощущал ее смущение.

– Я снова подумала об отпечатках обуви на месте первого преступления. Маленький размер.

– Мы уже говорили об этом. Это попытка ввести нас в заблуждение, разве нет?

– Может, да, а может, нет. Но это еще не все.

– А что еще?

– На местах преступления бросается в глаза порядок, организованность, даже некая педантичность. И, несмотря на весь ужас, женственность. Если бы мне пришлось убивать, полагаю, я бы действовала примерно так же. Попыталась бы свести с ума уголовную полицию.

Мартен недолюбливал банальности насчет разницы между женщинами и мужчинами, а Билье была последней, от кого он мог ждать подобных умозаключений. Ведь среди убийц-рецидивистов часто встречаются маньяки.

– Ты хочешь сказать, будто из того, что ты бы рассуждала и действовала, как наш убийца, следует, что это непременно женщина? Тебе никогда не случалось думать как мужчина?

– Конечно, – согласилась она. – Такое возможно. Извини, не знаю, зачем я все это тебе говорю. Действительно, звучит нелепо.

– Нет, меня это тоже мучит, – соврал Мартен. – К тому же... Я научился доверять твоим суждениям. Даже если тебе не удастся сообразить, с чего ты решила, будто она женщина, какой-то смысл во всем этом должен быть. Свяжусь с кем-нибудь компетентным и покажу все, что мы накопили.

– С кем-то более компетентным, чем я?

– Ты прекрасно знаешь, что я не это хотел сказать. Просто ты, наверное, что-то чувствуешь, но затрудняешься с формулировкой.

– Да, возможно, – согласилась она. – Ты имел в виду свою психологиню из полиции?

– Да.

– Не повторяй ей то, что я тебе сейчас сказала.

– Естественно, не буду. Пусть сама делает выводы. Хорошего вечера.

– Хороший вечер исключается. Он или она сегодня снова убьет.

– Знаю, – сказал Мартен. – Но тут уж ничего не поделаешь.

А почему бы не сделать это прямо сейчас, спросил себя Мартен и вернулся в полицию, заглянув по дороге в свой кабинет. Копировальный аппарат в архиве уже был выключен, а кода он не знал. Он набрал четыре нуля подряд. Безрезультатно. Попробовал 1234, и машина загудела.

Лоретта Вейцман, психолог, с которой он уже не раз пересекался по службе, была женщиной проницательной и умной. Эта довольно плотная пятидесятилетняя дама любила мужчин и умела это показать. У Мартена была с ней очень короткая связь, увенчавшая собой долгие годы взаимной настороженности. В результате им удалось остаться добрыми друзьями и,

главное, хорошими партнерами по работе. Она очень помогла Мартену во время расследования, едва не стоившего ему жизни. Он ей доверял. По крайней мере, настолько, насколько позволяли его ограниченные способности к откровенному общению.

Кабинет Лоретты находился под самой крышей большого здания, и в него можно было попасть, только пройдя через замысловатый лабиринт коридоров и лестниц, причем требовалось хорошо знать дорогу.

Он появился на пороге в тот момент, когда она уже закрывала дверь и держала в руках связку ключей. Она не слышала, как он подошел, и Мартен успел заметить гримаску усталости и грусти, которой раньше никогда не видел. Может, это ее обычное выражение лица, когда она уверена, что на нее никто не смотрит. Возможно, она значительно менее жизнерадостная, чем хочет казаться. А может, все дело в нем самом, Мартене, который после ранения стал смотреть на людей другими глазами.

Услышав шаги, она обернулась, и выражение ее лица сразу изменилось, сначала промелькнул испуг, а потом оно снова озарилось знакомой ему красивой улыбкой.

– Извините, если напугал.

Она смутилась:

– Месяц назад на меня напали, и с тех пор я чувствую себя неуверенно, когда остаюсь одна. Но это пройдет.

– На вас напали?

– Нет, меня не изнасиловали, если вы это имели в виду. Скорее... грубо обошлись.

– Прямо здесь? В вашем кабинете?

Она опять заколебалась.

– Нет, на улице.

Мартен понял, что она солгала, но ничего не сказал.

– Рада вас видеть. Мне казалось, вы обижены на меня.

Он легонько поцеловал ее в щеку.

– Конечно же нет. Просто боялся, как бы вы не вычитали во мне, чего не надо. Стыдно было. Стыдно и боязно встречаться с вами.

Она отодвинулась и пристально всмотрелась в него своими красивыми близорукими глазами.

– Вы стыдились себя? Боялись? Не верю своим ушам. Вы сильно изменились.

– Наверное. В последнее время я это часто слышу.

Она снова отперла дверь.

– Я тороплюсь на ужин, но пара минут у нас найдется.

Он последовал за ней в кабинет и сел у небольшого столика, заваленного книгами, разномастными предметами и папками с делами.

Вместо того чтобы сесть напротив, как для неофициальной беседы, Лоретта устроилась за письменным столом. Она выглядела озабоченной. Машинально теребила что-то в сумке, которую не сняла с колен.

– Слушаю вас, Мартен, – произнесла она, не подымая глаз.

Сегодня на ней был пуловер не с декольте, а с вырезом под горло. Непривычно. Лоретта гордилась своей грудью. И любила подчеркнуть, что она женщина соблазнительная.

Мартен заметил поломанный и плохо починенный подлокотник ее кресла. Кабинет выглядел по-другому по сравнению с его последним визитом к ней. До встречи с убийцей с арбалетом. Откуда такое ощущение? Дело в самом кабинете? Или это он, Мартен, теперь все видит иначе? Нет, на сей раз он тут ни при чем. В маленькой комнате царил слишком тщательно наведенный порядок. Почему-то исчез красивый натюрморт, оставив после себя темный прямоугольник на стене. Перемены были более глубокими, чем казалось на первый взгляд. Улетучилась сама душа кабинета.

– Что случилось, Лоретта?

Она удивленно взглянула на него, а потом ее глаза затуманились.

– Вам ничего не говорили?

– Нет, ничего.

– Тогда вам самое время подать в отставку и открыть кабинет ясновидения, – сухо прокомментировала она.

– Просто тут у вас атмосфера поменялась. Я насмотрелся на столько мест преступления. Если где-то совершили насилие, я это чувствую. А здесь заметны его явные следы. Чтобы их разглядеть, таланты ясновидящего не требуются.

Он постучал по разбитому подлокотнику.

– Если не возражаете, мне бы не хотелось это обсуждать, – возразила Лоретта. – Лучше расскажите, что вас ко мне привело. Что-то личное или по работе?

Он выложил на стол документы, которые только что скопировал.

– Я бы хотел знать, на какие мысли это вас наведет, – пояснил он.

Лоретта бросила быстрый взгляд на бумаги, и ее лицо скривилось от отвращения. Она стала читать более внимательно, начав с первых страниц отчета экспертов.

– Между этими убийствами существует связь? – удивилась она.

– Это вам решать.

– Не сейчас.

– Конечно нет, – согласился он. – Но вы особо не задерживайтесь. Дело срочное.

– Настолько, чтобы я отменила ужин?

– Что бы вы ни отыскиали, на сегодняшнюю ночь это ничего не изменит, – сказал он. – Но мне бы хотелось получить информацию завтра утром. Если, конечно, вам будет что сказать.

– Кто-то должен умереть сегодня ночью?

– Миллионы людей умрут сегодня ночью. И с этим ничего не поделаешь.

Лоретта покраснела.

– Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Кому-то грозит опасность, потому что убийца на свободе.

– Возможно, однако ни вы, ни я его не остановим и не помешаем ему убить. Во всяком случае, не этой ночью. Идите на ужин, – ответил он, вставая.

Он подождал, пока она запрет дверь. В этой части здания в такое время царила почти полная тишина. Кабинеты и коридоры пустовали. Женщина, если на нее нападут, может кричать, пока не сорвет голос, но никто не придет ей на помощь.

– Позвоню вам завтра утром, – пообещала она, когда они вышли на улицу. – Поделюсь плодами размышлений. Спокойной ночи.

Он стоял и смотрел, как она, пухленькая и женственная, движется по направлению к стоянке такси.

Не дойдя до нее, Лоретта заколебалась. Нельзя было так уходить. Кто угодно, имей он отмычку, может проникнуть в кабинет и забрать то, что она там спрятала. Слишком опасно. Она решила вернуться. Теперь она опоздает на свидание, что ж, пускай. Но он славный и все поймет. Она вновь влюбилась после большого перерыва. Ей уже начало казаться, будто с чувствами покончено и скоро угаснут даже сексуальные аппетиты. Она ошибалась. Его она встретила на выставке. Он психиатр. Вообще-то она недолюбливала психиатров, но он ей сразу понравился.

Открывая дверь, Лоретта подумала об ожидающей ее ночи, и сердце забилося быстрее. В свои пятьдесят четыре она чувствовала, что наделена душой и темпераментом юной девушки. Каждое новое приключение становилось открытием. Но на этот раз все было еще лучше: она получила любовника и друга одновременно.

Лоретта слишком поздно разглядела черный силуэт на темном фоне кабинета.

– Что вы тут делаете? – успела она спросить, до того как ощутила первый удар.

А потом уже не могла не только говорить, но даже стонать.

Глава 14

Вечер среды

Когда Мартен вошел в дом, Иза с Марион что-то бурно обсуждали. Девушки поужинали без него, и на столе стояли тарелки с остатками трапезы.

Они засыпали его вопросами о том, как прошел день. Мартен уклонился от ответа на большинство из них, и девушки оставили его в покое, разочарованные, в особенности Марион. Он не любил рассказывать о работе, не потому что стремился что-то скрыть, а просто хотел спокойно поразмышлять о важных моментах или деталях своего расследования, которым пока уделил недостаточно внимания.

Он рассеянно что-то жевал, сразу отвергнув неуверенное предложение Марион разогреть брокколи. Он злился на себя за то, что не сумел разговорить Лоретту. Позднее он еще горше пожалеет об этом.

Мартен слушал беседу девушек вполуха. Ему чудилось, будто он находится и здесь, за столом, и одновременно где-то в другом месте. Словно парит в невесомости или стал прозрачным, невидимым. Он вдруг ощутил сильное головокружение и покачнулся. Реакция организма на большую нагрузку после перерыва, подумал Мартен. Он едва не потерял сознание, почувствовав себя вконец изнуренным – и физически, и умственно. И грустным. Бесконечно грустным. Глаза защипало.

Все же он сумел как-то подняться и уйти в свою комнату, пока девушки не заметили, что по его щекам заструились слезы.

Мартен разделся. Руки двигались тяжело, неуверенно, глаза извергали бесконечные потоки влаги. Потом он отправился под душ. Его несколько раз попеременно окатывало то почти кипятком, то ледяными струями, пока он не отрегулировал температуру. Тогда Мартен поднял голову навстречу потоку воды и застыл в таком положении на несколько минут, захлебываясь и задыхаясь.

Выйдя из-под душа, он быстро и небрежно промокнул тело полотенцем, после чего буквально свалился в кровать, с трудом натянув на себя простыню.

Марион присоединилась к нему через час и увидела, что он лежит поперек кровати. Постаралась сдвинуть тяжелое тело, чтобы освободить себе место, но ей это не удалось. В конце концов прихватила еще одно одеяло и с трудом устроилась в постели, прижавшись к нему. Она подняла тяжелую руку Мартена, провела ею по своей груди и животу, а потом сжала бедрами. В последнее время у нее иногда возникало пугающее чувство, будто она его разлюбила. И тогда Марион отшатывалась от той пустоты, которая, несмотря на ребенка, неминуемо остается в душе после ухода любви. Но сейчас она ни о чем таком не думала. Этой ночью она чувствовала себя прекрасно. Она беззвучно произнесла “я тебя люблю”, медленно шевеля губами. Трижды повторила эти три слова. И в тот момент ее жизни и ночи они показались ей абсолютно правильными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/aleksis-lekey/dama-pik-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

См. роман Алексиса Лекея “Червонная дама”. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Здесь: все бы отдал, чтобы узнать, о чем вы думаете (англ.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksis-lekey/dama-pik-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)